

1209
1986
Проф. М. Я. ПЕРГАМЕНТ

1209
1986
О ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ

так-называемого

Дипломатического Квартала

в Пекине

489954
2
(Из неопубликованных материалов)

БИБЛИОТЕКА

Х А Р Б И Н

Типография Китайской Восточной железной дороги

1926

Пол. М. П. ПЕРВАЯ

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ПОРЯДКЕ

ТАК НАЗЫВАЕМОГО

ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ПОРЯДКА

1915

(ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ)

1916

ПЕРВОНАЧАЛЬНО

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

1. Когда два года тому назад, в сентябре 1924 г., после благополучного преодоления ряда препятствий, которые ставились нам «доброжелательными» иностранными правительствами и их представителями в Пекине, мы переехали в расположенное в «Дипломатическом Квартале» домовладение бывшей Российской Миссии, а ныне Посольства Союза Советских Социалистических Республик,—нами в архиве бывш. Миссии, среди прочих материалов, были найдены и «Протоколы Заседаний Дипломатического Корпуса» в Пекине («Procès-Verbaux des Séances du Corps Diplomatique») за период 1900—1920 гг. (точнее: 26 октября 1900—21 мая 1920 гг.)¹⁾.

Эти протоколы, обнимающие, таким образом, почти целое двадцатилетие и отражающие, в общей сложности, все, что происходило на 219 заседаниях, со всеми к ним, протоколам, письменными дополнениями и приложениями,—настолько богаты содержанием, настолько характерны и красочны, настолько отражают период времени, одинаково интересный и важный в

---

¹⁾ Как известно, в 1920 г.—правда, несколько позднее: 23 сентября—последовал декрет Президента Китайской Республики «о прекращении признавания Китайским Правительством Российских Посланников и Консулов в Китае», вслед за чем последний Российский Посланник в Китае, кн. Кудашев, покинул Пекин.

истории Китая и, в частности, сношений Китая с западными государствами, что, думается, не будет преувеличением сказать: здесь пред нами открылся новый и немалочисленный «памятник» или, если угодно, «источник» (в смысле «источника познания») международного права, — источник, к сожалению, до сих пор не опубликованный и, следовательно, оставшийся более или менее неизвестным.

Все, повидимому, сводилось к предоставлению каждой Миссии определенного, весьма ограниченного числа печатных экземпляров каждого протокола, после чего эти экземпляры так и пребывали в Миссиях или, в лучшем случае, посылались, в некоторой части, в соответственное министерство иностранных дел. Тракттовались протоколы «на правах рукописи» и не становились ни путем поступления в продажу, ни иным каким-либо путем достоянием гласности и широких кругов, в том числе кругов научных¹⁾.

При таких условиях читатель едва ли мне попеняет, если я добавлю еще несколько предварительных замечаний, сюда относящихся.

2. Протоколы в своей совокупности составляют один законченный том (озаглавленный: «Дела Китайские—Пекинские переговоры. 1900 — 1902»), плюс множество отдельных листов, еще не сведенных воедино²⁾.

В свою очередь, первый том распадается на три части («parties»): 1) протоколы от начала и по 6 сен-

---

1) Поскольку дело идет о периоде до так-наз. «Заключительного Протокола» (см. ниже), об этих протоколах упоминает вскользь сэр Ernest Satow (в своем небызвестном труде «A Guide to Diplomatic Practice», 2 изд. 1922 г., т. II, стр. 162 и сл.) — сам участник Пекинской конференции 1900—1901 гг. в качестве посланника Великобритании в Китае. «Very full procès-verbaux of the sittings were drawn up...», замечает он, и далее: «The procès-verbaux have not been published».

2) Единственный в нашем архиве полный комплект оказался собранным и переплетенным в три тома. Но это сделано произвольно, без серьезного основания.

тября 1901 г., когда состоялось «Заключительное», числом 65-ое, заседание (протокол этого заседания, известный под именем «Protocole final», был подписан на следующий день, т.-е. 7 сентября); здесь 274 страницы — как и всюду, in 4° мелкого шрифта; 2) приложения («Annexes») к этим протоколам — их ровно 200 на 211 страницах, из коих иные не на французском языке, а на английском, и 3) протоколы заседаний, «следовавших за подписанием Заключительного Протокола, по 28 июня 1902 г.», — стр. LXII. (Оглавления дают еще 14 страниц, итого вместе 562 страницы).

Все прочее, сверх означенного тома, представляет массу, повторяю, отдельных листов, того же формата и шрифта, по объему приблизительно в полтора раза превышающую объем первого тома. Пагинация часто прерывается, притом весьма капризно, либо (впрочем, не всегда) с переходом к следующему году, либо еще в пределах одного и того же года.

Внимания заслуживает, что между 6 августа 1914 г. (133-ье — после «Заключительного» — заседание) и 23 августа 1917 г. (134-ое заседание) дипломатический корпус не собирался вовсе. В остальном, достаточно понятно, почему не собирался. Ибо, иначе, в те дни мировой войны «союзникам» пришлось бы заседать вместе с немцами и австро-венгерцами, а этого, надо думать, ни одна сторона, ни другая не могла или не хотела. И только после объявления Китаем войны Центральным Империям и после отбытия из пределов не только Дипломатического Квартала, но и вообще Китая посланников германского и австро-венгерского, заседания дипломатического корпуса оказались снова возможны, и были снова налажены.

Изредка, вместо «Дипломатического Корпуса», собирается более тесный круг «Представителей держав, подписавших Заключительный Протокол»¹⁾.

---

1) Таковы, например, по своему составу, собрания 13-го июня, а также 14 декабря 1904 года.

(Мимходом укажем, что в Китае имеется и вообще не одно лишь объединение дипломатических агентов иностранных государств. Чтобы это понять, довольно будет вспомнить еще о другом разделении дипломатических агентов: на представителей государств «трактатных» и государств «нетрактатных»). Подписали же Заключительный Протокол следующие, в алфавитном, согласно французскому наименованию, порядке, державы: Германия, Австро-Венгрия, Бельгия, Испания, Соединенные Штаты Америки, Франция, Великобритания, Италия, Япония, Нидерланды и Россия,—с одной, и Китай, с другой стороны. Место России ныне занимает СССР. Что касается Германии и Австро-Венгрии, то, силою договоров Версальского (ст. 128) и Сен-Жерменского (ст. 113), они ныне отпали. «Косигнатаров» Заключительного Протокола, таким образом, среди контрагентов Китая, в настоящее время—девять.

3. Мною уже было сказано, что наши протоколы отличаются весьма разнообразным содержанием. И действительно: чего тут только нет!

Не говоря уже о всех тех «материях», которые явились содержанием «Заключительного Протокола», здесь обсуждаются всякие финансовые вопросы, начиная гербовым сбором и кончая вопросами денежного обращения, денежными кризисами и т. п. Далее, здесь же нашли себе место вопросы торговли, навигации и портов в широком масштабе. Крайне важны протоколы в той их части, которая посвящена обсуждению вопросов о концессиях и селтльментах в Китае и, в особенности, о Шанхае с его пресловутым «Микст-Кортом». Юрисдикцией последнего посланники заняты особенно сильно. Но и «шен-пан-тин»'ы (т.-е. просто китайские суды) им не безразличны, поскольку дело идет об участии в процессе иностранца и поскольку вследствие того получают так-называемые «смешанные трибуналы». Встает и проблема о телесных нака-

заниях. Не проходят «полномочные министры» и мимо близкого их сердцу круга прав и преимуществ дипломатического и консульского персонала в Китае. Вне собственно юридических вопросов способна заинтересовать чума 1911 г. в Маньчжурии и Северном Китае, как, впрочем, и многое другое. Едва ли не всего колоритнее вырисовываются некоторые черты еще сравнительно недавней, 1911 года, китайской революции: акты и документы по отречению императора, картина состояния и настроения Пекина и т. д., и т. д.

4. Среди многообразных тем, пестрящих в протоколах, играет роль, если не первенствующую, то все же весьма видную, тема о так-называемом Дипломатическом или, еще иначе, Посольском Квартале в столице Китая—настоящем детище дипломатов, созданном «Заключительным Протоколом» 1901 года и, позднее, протоколом 13 июня 1904 года.

Посильному выяснению правовой природы этого Дипломатического Квартала имеют служить нижеследующие строки. Как ни соблазнительны и другие—частью сейчас приведенные мною—темы, но пока они всецело оставляются мною в стороне. Пусть они будут предметом особых статей—безразлично, моих ли статей, или статей других авторов.

Настоящий же очерк посвящается именно Пекинскому Дипломатическому Кварталу,—и это уже по той, главнейшим образом, причине, что слишком мало о нем известно—по крайней мере, такого, что отвечает действительности, что не фантастично. Монографической литературы о Квартале не существует вовсе. Курсы же и учебники по международному праву более чем скудны на его счет, либо совсем его не касаясь, либо касаясь только весьма, весьма кратко ¹⁾.

---

¹⁾ В самом деле: возьмем, например, четыре современные, едва ли не лучшие, курса или учебника международного права. Разумею обширные или достаточно обширные труды: английский—Оппенгейма, американский—Гайда, немецкий—Листа и французский—Фошиля.

многочисленные, на протяжении нескольких десятков строк, чисто-фактические сведения, преимущественно

Правда, в специальных трудах, посвященных экстерриториальности в Китае, о Дипломатическом Квартале говорится или говорится больше. Мы указываем, главным образом, на труды Веллингтон Гу, Дяо, Виллоби и Вагнера. Но и в них мы можем найти только не-

Что же мы в них находим по интересующей нас части? Поистине, очень немногое.

Oppenheim («International Law. A. Treatise», 3-е изд., I—II, 1920/21), хотя и говорит о так-назыв. боксерском восстании и его подавлении, но по адресу Дипломатического Квартала хранит глубокое молчание.

Hyde («International Law», I—II, 1922) считает возможным ограничиться следующим: «Боксерское» восстание,—говорит автор (I, стр. 131),—привело к отнятию у Китая некоторых немаловажных прав. Так, Китай «был вынужден допустить особое предоставление заинтересованным державам так-назыв. Посольского Квартала в Пекине, с правом исключительного управления Кварталом и правом самой полной его защиты».

И Liszt (даже в сильно восполненном Fleischmann'ом 12-ом, от 1925 г., посмертном издании) точно так же немногословен. «Особливое положение занимает Посольский Квартал в Пекине на основании Заключительного Протокола от 7-го сентября 1901 г.; он находился под экстерриториальным управлением дипломатического корпуса. Ср. также Версальский договор ст. 130, п. 2» (стр. 201). (См. также русское 4-ое издание той же книги, обработанное проф. Грабарем, 1917 г., стр. 156, и 5-ое, измененное, издание его же, 1926 г., стр. 104).

Наконец, и Fauchille в своем обширном курсе «Traité de droit international public», к удивлению, даже не упоминает о Дипломатическом Квартале. См. только что (1926) появившуюся третью часть I тома этого труда, с ее трактовкою посольского права. (Ср. также Bonfils-Fauchille, Manuel, напр., 5 изд. 1908 г., № 143¹⁶).

Или еще другие примеры:

В известнейшем (восьмитомном!) курсе Moore'a («A Digest of international Law», 1906) опять-таки боксерскому движению, а равно его последствиям уделяется много места

почерпаемые из «Заключительного Протокола» 1901 года¹⁾.

Более того: если «Заключительный Протокол» 1901 г. хорошо известен в литературе предмета и опечатан, со всеми своими 19-ью приложениями, в сборниках международно-правовых актов и, прежде всего, в собраниях договоров с Китаем и о Китае, то, обратив (V, стр. 476—533), но на Дипломатическом Квартале внимание читателя почти-что не задерживается вовсе.

В одном весьма новом по времени (американском же) учебнике Fenwick'a («International Law», 1924) мы не встречаем ни единой строки на занимающую нас тему.

То же самое приходится сказать и о новейшем (7-ом, 1924) издании учебника Lawrence, «The Principles of International Law», и даже о последнем издании (8-ом, 1924) книги Hall, «A. Treatise on International Law» (ср. стр. 66, 339, 475), и о мн. др.

И т. д. Тем не менее считаю долгом оговориться, что книжное богатство, которым я располагаю здесь, в Пекине, далеко не исчерпывающее.

1) Wellington Koo: «The status of aliens in China» («... Edited by the Faculty of Political Science of Columbia University» 1912), стр. 266 и сл.; Т. З. Туан: «The legal obligations arising out of treaty relations between China and other States» (1917), стр. 27 и сл., каковая Лондонская диссертация переведена на русский язык под заглавием: «Положение иностранцев в Китае» (Харбин, 1918 г., см. стр. 32 и сл.); Willoughby: «Foreign rights and interests in China» (1920), стр. 219 и сл.; Wilh. Wagner «Aufenthalt und Niederlassung Fremder in China» («Schriften des Deutsch-Chinesischen Verbandes», 1918), стр. 73 и сл. Далеко не у всех из этих авторов упоминается, однако, даже о Протоколе 1904 г. (см. ниже).

Параграфом из книги Дяо, в большей его части, заимствовался Hatschek, Völkerrecht, 1923, стр. 93, а из труда Виллоби перепечатано несколько строк в книге Попова-Таливы: Китай—Экономическое описание (Москва, 1925 г.), стр. 299.

Лишь несколько также строк уделяет Пекинскому Дипломатическому Кварталу еще Dauge в статье «De la condition juridique des étrangers en Chine», помещенной в свое время в «Journal du Droit International Privé» (Clunet), т. 32 (1905), стр. 854. Менее скудные, но в большей части устаревшие данные приводит, наконец, еще Baudez, Essai sur la condition juridique des étrangers en Chine (Парижская диссертация, 1913), стр. 254 и сл.

но, другой правовой источник для Дипломатического Квартала—специальный и более обстоятельный, более детальный—отсутствует почти всюду. Его нет ни в сборнике Mayers'a, „Treaties between the Empire of China and Foreign Powers“ (Shanghai, 5 изд. 1906), ни в двухтомном сборнике: «Hertslet's China Treaties» (London, 1908), ни в Шанхайском трехтомном собрании: «Treaties, Conventions etc., between China and Foreign States» (2 изд. 1917 г.), ни, напр., еще в (изданном в 1906 г. в С.-Петербурге Министерством Иностранных Дел) «Сборнике Договоров и Дипломатических Документов по делам Дальнего Востока 1895—1905 гг.». И если не считать тех трех печатных экземпляров данного Протокола 13 июня 1904 г., какие были даны каждой Миссии в Пекине, а равным образом тех общих «Протоколов Заседаний Дипломатического Корпуса», о которых мною уже велась и все время будет вестись речь, то занимающий нас Протокол можно, кажется, отыскать еще только в сборнике Mac Murray: «Treaties and Agreements with and concerning China, 1894 1919» (New York, 1921, т. I, стр. 315 и сл.¹⁾).

I.

В Заключительном Протоколе 7 сентября 1901 г. к нашему вопросу о правовом положении Дипломатического Квартала в Пекине имеет отношение, из его двенадцати статей, только одна, а именно: статья VII. Она гласит в переводе нашего бывш. Министерства Иностранных Дел:

«Китайское Правительство согласилось считать квартал, занимаемый миссиями, специально предназначенным для их пользования и поставленным под охра-

1) Имеющийся здесь перевод принадлежит Американской Миссии в Пекине, которая его посылала Государственному Департаменту в Вашингтоне. (Этот же перевод теперь напечатан и в вышедшей на днях брошюре: Fox, The Protocol of 1901, Charter of Peking's Diplomacy, стр. 41 и сл.).

ну их собственной полиции ¹⁾); в этом квартале китайцы не будут иметь права селиться ²⁾, и он может принимать меры к обороне ³⁾.

Границы этого квартала обозначены на прилагаемом плане следующим образом. (Прилож. № 14).

.....

.....

Согласно Протоколу, приложенному к письму от 16-го января 1901 года, Китай признал за каждой державой право содержать постоянную стражу в упомянутом квартале для охраны своей Миссии».

Обширнее те извлечения, какие нам приходится сделать из Протокола 13-го июня 1904 года.

¹⁾ Здесь, к сожалению, нашим переводчиком была допущена грубая ошибка: он не понял французского термина «police» в данном его значении. Между тем, даже в так-наз. «Petit Larousse» можно прочесть на первом месте s. h. v.: «Ensemble des règlements qui maintiennent l'ordre et la sécurité publics».

Французский текст (единственно он решает: ст. XII, абз. 4 того же Заключительного Протокола) определяет: «Le Gouvernement Chinois a accepté que le quartier occupé par les Légations fût considéré comme un quartier spécialement réservé à leur usage et placé sous leur police exclusive».

Подчеркнутые мною слова англо-американцы перевели: «Placed under their exclusive control» (Mac Murray, I, стр. 282; в другом, впрочем, месте, взамен «control», читается «police»: там же, стр. 315; то же и у Mayers'a ук. соч. стр. 294). В китайском переводе употреблено выражение «kuan-li», что означает «ведение» (указ. Шанхайский сборник, I, стр. 309; объяснение любезно дано мне проф. А. И. Ивановым).

Итак, следует перевести: «и поставленным под их исключительное управление».

²⁾ Этот запрет всегда понимался и применялся ограниченно: за исключением китайцев, находящихся в услужении в Миссиях и вообще у законно-проживающих в Дипломатическом Квартале иностранцев.

³⁾ Лучше бы сказать: «он может быть приведен в состояние обороны» («pourrait être mis en état de défense»).

Здесь мы читаем ¹⁾):

«Нижеподписавшиеся Представители Держав, подписавших Заключительный Протокол 1901 г.,

имея в виду статью VII означенного Протокола, по силе которой Китайское Правительство согласилось, чтобы занимаемый Миссиями Квартал почитался Кварталом, специально предназначенным для их пользования и поставленным под их исключительное управление, в каковом Квартале китайцы не будут иметь права селиться и каковой может быть приведен в состояние обороны;

и, далее, имея в виду план, обозначающий границы этого Квартала согласно Протоколу,—

пришли к следующему соглашению:

1. За каждую Миссию, как равно за Императорскою Морскою Таможнею, за каждым обществом и за каждым частным лицом признается право собственности на землю, которая означена его именем, внесенным в кадастровый план, каковой план составлен с этой целью и приложен к настоящему Протоколу.

2. Вся земля, лежащая между границами Квартала и означенными на плане стенами для защиты, каковая земля назначена, в качестве гласиса, служить делу защиты Квартала, а равным образом дороги, тротуары, каналы, мосты, стоки, деревья и всякие постройки признаются собственностью Дипломатического Квартала на праве общей собственности.

3. Изъеются те, расположенные на гласисе участки земли, относительно которых признано, что они принадлежали частным лицам еще до 20 июня 1900 г., дня начала осады Миссий, и которые точно так же показаны на плане. Эти участки земли остаются

---

1) Перевод с французского текста мой. Даже в «Ежегоднике Министерства Иностранных Дел» за 1904 и следующие годы акт 13 июня 1904 г. не помещен (ни в «Дипломатических документах», ни в «Правительственных сообщениях», ни в «Добавлениях»).

собственностью бывших собственников или их право-
преемников .....

4. Никакие постройки, ни постоянные, ни времен-
ные, за исключением уже существующих в настоящее
время, не могут возводиться на гласисе, ни в какой
его части, без единогласного на то разрешения Пред-
ставителей Держав, подписавших Заключительный Про-
токол 7-го сентября 1901 года.

5. Вследствие признания гласиса общему собствен-
ностью, каждой Миссии временно поручается управле-
ние тою его частью, защиту коей Миссия ныне приня-
ла на себя, а начальники охранных отрядов при Мис-
сиях приглашаются вступать в совещание между собою
по всякому вопросу касательно военного использова-
ния гласиса.

6. Миссии, Императорская Морская Таможня, об-
щества и частные лица не вправе нарушать границы
гласиса, дорог, тротуаров, мостов или каналов, как
они показаны на кадастровом плане.

7. Представители Держав, подписавших Заклю-
чительный Протокол 7-го сентября 1901 г., обязуются
приступить немедленно к составлению проекта Общего
Устава полицейского и дорожного и направить его на
утверждение своих Правительств, по принадлежности.

Равным образом они примут меры, какие сочтут
полезными, чтобы получить требуемую власть приме-
нить названный Устав к подведомственным им гражда-
нам и заставить их платить налоги на предмет обеспе-
чения полицейской службы и поддержания дорог ¹⁾).

II.

Таков тот **позитивно-правовой материал**, таковы
те юридические нормы, которые должны были лечь

---

¹⁾ Стт. 8 и 9 (как раньше и вторая половина ст. 3) не
представляют для нас интереса. Ст. 10, последняя, нам уже
знакома: она определяет напечатание трех экземпляров на-
стоящего Протокола для каждой из Миссий.

в основу жизни «Дипломатического Квартала»: симбиоза его обитателей и, в особенности, отношений его **во**вне—к остальному Пекину, к Китаю и его правительству.

Мы сейчас обратимся к самой жизни этой. Но сперва уделим внимание еще вот чему.

Не все приведенные юридические положения встретили среди представителей договаривающихся государств (не говорю о Китае) **одинаковое сочувствие**.

Так, с одной стороны, не возбуждала никакого сомнения и была единогласно принята норма, предоставлявшая каждой Миссии **право** содержать свою стражу. Вопрос этот никогда не ставился в плоскость **обязанности** для иностранного, расположенного в Дипломатическом Квартале представительства. Соответственно, фактически эта постоянная стража и содержалась, главнейшим образом, только так-называемыми «великими державами» Европы, затем Японией и Северо-Американскими Штатами. Общая цифра стражи была установлена (при участии фельдмаршала Вальдерзе) в 2.000 человек, из коих на отдельные указанные Миссии приходилось от 150 (С.-А. Штаты) до 300 (Германия, Франция, Япония и Россия) человек ¹⁾.

---

¹⁾ См. заседания от 13 ноября 900, 20 и 24 декабря 900, 2 января 901 и приложения №№ 37 и 101 в т. I, ч. 2, стр. 28 и сл. и 106.

Мимоходом упомянем тут же (правда, забегая далеко вперед) о таком небезынтересном факте.

12 декабря 1913 г. представитель России (Крупенский) делает дипкорпусу внеочередное заявление: Российское-де правительство—в рассуждении, что в Пекине уже восстановлен нормальный порядок, и что Китайское правительство уже располагает достаточными силами для защиты русских подданных, их жизни и имущества—постановило отозвать свои войска, расположенные в Северном Китае. Оставляется не более: 30—40 человек стражи для Миссии в Пекине и 10 человек для Консульства в Тяньцзине. Крупенский добавляет, что его правительство, однако, почитало бы желательным, чтобы и другие иностранные правительства поступили в согласии со сказанным, и что потому, в интересах **общего вы**

Равным образом, и другое еще положение не вызвало разногласия. Это—норма о том, что каждая Миссия пользуется самостоятельным правом собственности на отведенный ей участок земли, со всем на нем находящимся. Это — собственность данной Миссии, и только ее: сособственности тут нет никакой. На этот счет, повторяем, все абсолютно согласны. Откуда, между прочим, делается и следующий вывод: каждая Миссия—полная у себя госпожа ¹⁾).

Но, с другой стороны, совершенно иное отношение ко второму «киту» правового устройства Дипломатического Квартала. Разумею юридическую природу гласиса, установление по его адресу права общей собственности.

Следует отметить, что именно это построение и понимание впервые появляется определенно и ясно лишь в приведенной выше ст. 2 (ср. ст. 5) Протокола 1904 года. А вплоть до того времени юридическая природа гласиса более чем спорна. Взгляды на нее членов

уступления, оно подождет с приведением в исполнение своего решения в течение некоторого достаточного времени. Но иностранные правительства, в ответ на запрос своих посланников, требуемого согласия не изъявляют, и 17 февраля 1914 г. Крупенский сообщает «своим уважаемым коллегам», что русский отряд оставит Пекин 17 марта того же года. См. еще заседание 17 марта 1914 г., а также в книге «An American Diplomat in China by P. S. Reinsch, American Minister to China, 1913—1919» (1922 г., стр. 77 и сл.), как велики были изумление, волнение, испуг, охватившие не только весь дипломатический корпус, но, напр., и иностранных корреспондентов в Пекине, когда они узнали о заявлении Крупенского.

Что касается указанных «30—40 человек», то они покидают Пекинскую Миссию уже после Октябрьской революции, в начале 1918 года.

1) Вывод резко подчеркивается англичанином (это сэр Satow, о котором нами уже сказано выше). «Если бы (утверждает он) у меня был свободный кусок земли, и я желал его уступить булочнику или мяснику (речь идет о китайцах), я не считал бы себя обязанным не только испросить разрешение у моих коллег, но даже хотя бы просто их уведомить». (22 марта 1901).

дипломатического корпуса сильно расходятся, расплывчаты и неустойчивы. В туман и разброд даже время не приносит улучшения и успеха. Если, например, сравнить по данному вопросу заседание 12 января 1904 года с заседанием 21 декабря 1901 г., то оказывается, что первое отнюдь не лучше последнего. Дипломаты сами признают вполне откровенно, что ни история дела, ни прочие факты не раскрывают им с достаточной отчетливостью правовой сущности гласиса.

В конце-концов, они все-таки склоняются, как уже указано, в пользу общей собственности на гласис. Но симпатии их или, по крайней мере, симпатии большей части их все же не в пользу подобного правоотношения. Иным из них хотелось бы, скорее, другого—хотелось бы, чтобы и здесь—так же, как это случилось с участками земли под самыми Миссиями—было признано просто право собственности—самостоятельной собственности, в противоположность общей всех собственности или сособственности. На прилегающий к своей Миссии гласис они желают смотреть, как на свое имущество и добро. И это свое правовоззрение они всего охотнее зафиксировали бы и в решающем Протоколе. Наоборот, «condominium» их отнюдь не устраивает, лишая части преимуществ, ограничивая или стесняя их свободу действий и сферу распоряжения.

В цитированном только-что заседании от начала 1904 года бельгийский представитель (Joostens), после всех рассуждений и убеждений, упорно стоит на своем. И тем не менее,—возражает он своим собеседникам:—«во всяком случае, правительство мое будет настаивать на сохранении за ним пользования участком земли, которым оно владеет на гласисе, и это до тех пор, пока такое владение ему будет нужно». Подобное заявление, конечно, характерно и достаточно иллюстрирует взгляд, о котором здесь говорится. Дальше мы будем иметь возможность констатировать, что этот же взгляд приводит позднее и к реальным вполне последствиям.

48995 к. мемор. прав.

От бельгийского дипломата едва ли многим отличается и его коллега, итальянский посланник. И последнему, равным образом, трудно согласиться, что пред нами общая собственность. Сознавая, что гласис имеет служить целям защиты всего Квартала, он готов понять необходимость известного рода ограничений. Но, рассуждает он, право собственности — собственности исключительно в пользу данной Миссии — оттого еще вовсе не должно теряться. Конструкция-де здесь иная: имеется налицо не более, как сервитут («служебность»), который до поры до времени, действительно, умаляет права собственника, однако, нисколько не изменяет его юридической квалификации, как именно субъекта собственности. Ибо прекратится необходимость защиты Дипквартала, исчезнет общая цель, и собственность без дальнейшего возродится в своем нормальном, неущербленном виде ¹⁾. Между тем, усматривать общую на гласис собственность — это значит, что в случае, напр., продажи почему-либо в будущем земли под всем гласисом, в том числе и под итальянским гласисом, покупная цена, в свою очередь, делается общим достоянием, пойдет в общий «котел». Но с этим он, граф Gallina, никак не мог бы примириться.

Дочего названному сейчас дипломату нелегко давалось различие прав по адресу земли под своим посольством, раз, и земли на прилегающем к посольству гласисе, два—все-го лучше, быть-может, способен обнаружить следующий не совсем безынтересный случай.

В составе прочей территории чужеземные войска и иностранные власти захватили в Пекине и некото-

¹⁾ Именно так, в основном, «построает» юридическое отношение и бельгийский министр иностранных дел в инструкции, данной им 20 января 1902 г. бельгийскому поверенному в делах: см. сделанный в том же заседании 12-го января 1904 года письменный доклад Германского посланника (барона Mumm), представлявший резюме нескончаемых прений по вопросу о гласисе.

рую площадь, на каковой находился старинный китайский храм и мавзолей по имени Тан-цзы. Китайцы этим местом весьма дорожили еще особенно потому, что император был привычен совершать свои молитвы именно тут. И потому они усиленно ходатайствовали о возвращении им этой земли. Но другая сторона отказывалась удовлетворить ходатайство, мотивируя свой отказ соображениями, почерпнутыми из области защиты Дипквартала: для целей, мол, военных, по крайней мере часть данной земли непременно должна поступить в земельный фонд гласиса. И, соответственно, декан дипкорпуса отвечал китайцам, что если император непременно желает получить свой храм обратно, то препятствий к сему, правда, не встречается, но следует учесть то обстоятельство, что, для посещения императором храма, ему необходимо будет предварительно каждый раз испрашивать разрешение на прохождение через гласис. На это, в свою очередь, не соглашались китайцы, и в итоге ими была «уступлена» вся площадь.

Прекрасно. Теперь—так казалось бы — хотя некоторая, как означено, часть отнятой земли, принадлежавшая отойти к гласису (без чего, подчеркивал сам декан, китайцы отнюдь не согласились бы на уступку), уже никак не могла почитаться собственностью исключительно итальянской Миссии. На деле, однако, и эта часть оказывается предметом собственных вожелений в пользу именно Италии и только ее—наравне с другими частями «итальянского» гласиса и со всем прочим, что принадлежит названной Миссии.

Разумеется, весьма многое тут оставляется недосказанным и не совсем ясным—о «точках над i» нет и речи. Дипломатами даже, как-будто, ощущается нечто в роде смущения или неловкости. Но это обстоятельство все же отнюдь не ведет к отказу итальянскому посланнику. И все дело сводится к тому, что, в целях самооправдания, граф Gallina чинит одно знамена-

тельное — и для него и для его коллег одинаково нелестное — признание. Он замечает: Надлежит помнить, что и участки земли под самыми Миссиями тоже не иное что, как продукт завладения, притом «в равной мере произвольного». Каждая, мол, Миссия просто сохранила захваченное ею насильно — сохранила на почве «совершившегося факта», а не на почве «истинного соглашения между всеми Миссиями, каковое соглашение одно только было способно создать законную базу для распределения Квартала...».

Если к изложенному еще прибавить, что все в том же заседании 12 января 1904 г. уже знакомый нам сэр Satow, усовещевая некоторых из своих коллег и стараясь сократить их непомерные аппетиты, направленные в сторону гласиса, — бросил упрек, что «площадь, ныне занимаемая Миссиями, имеет протяжение, в десять раз превышающее площадь тех же Миссий до 1900 года, из чего (добавлял оратор) достаточно явствует, что нам не слишком уже тесно», — если все это объединить, то картина, пожалуй, будет более или менее полная ¹⁾.

III.

Теперь перейдем к самой жизни и практике, как она складывалась в пределах Дипломатического Квар-

---

¹⁾ См. стр. XCIX—CVI протокола цит. заседания. Ср. письмо сэра Satow'a в приложении № 25, в т. I, ч. 2, стр. 17, а также таблицу в приложении № 53, там же, стр. 50. Ср. также Н. В. Morse, «The International Relations of the Chinese Empire», III (1918), стр. 355 и сл., где содержится больше данных на этот же счет и где, напр., можно прочесть о том, что Германия увеличила площадь своей Миссии с 2½ до 25½ акров, упоминавшаяся в нашем тексте Италия — с 1 до 10 акров, а Япония — даже с 1 до 14½ акров и т. д.

Названный автор, в связи с этим, не скрывает своего сурового мнения. Он говорит: «The legation quarter may be considered as the provision of a defensible fortress in the heart of the capital of a hostile power—for which purpose it was

тала, если судить по протоколам заседаний дипломатического корпуса.

Причем остановимся вниманием сначала опять же на гласисе.

К сожалению, мы не можем не отметить: ни законностью и красотой, ни твердостью или постоянством эта повседневная практика похвалиться не может.

Приведем тому доказательства.

Гласис или, точнее, отдельные его части сдаются для разнообразных целей.

Так, под **цирки**, приезжающие на гастроли. Впрочем, то сдаются, то, наоборот, в такой сдаче—отказывается¹⁾.

Но гораздо важнее и, очевидно, прибыльнее отдача участков гласиса под **гостиницы, бары** и тому подобные уже прочно оседлые заведения. Жаль только, что эти заведения обладают свойством вырождаться в своего рода... дома терпимости. Они посещаются, по преимуществу, солдатами Миссий да еще подозрительными китайцами из бродяг и женщинами дурного поведения («des filles de mauvaise vie»). В результате, как то свидетельствуется самим деканом дипкорпуса²⁾, «шум», «беспорядок», «неописуемые сцены посреди улицы»,—словом, «скандальный порядок вещей», на который поступают многочисленные жалобы добрых граждан.

Однако, это не все. Данные учреждения (в одном случае и просто настоящий дом терпимости, «maison

---

much too large; or as the happy grasping of the opportunity to provide spacious quarters for the diplomatic representatives of the powers, in park-like surroundings, free from the old-time insanitary conditions, and at the cost of China—and in that case it was not justified».

1) 2 августа 1911 г.

2) Англичанином сэром Jordan в заседании 6-го июля 1912 г. (Jordan был посланником в Пекине целые 14 лет, до 1920 г. Он весьма недавно умер в Лондоне). Ср. еще заседание 14 мая 1913 г.

de prostitution») даже выстраивают на гласисе стены, которыми себя окружают от нескромных взоров. Правда, разрешение на это не дается, но и чьего-либо протеста действие тоже не вызывает ¹⁾).

В это дело возведения стен сто́ит, пожалуй, и несколько углубиться.

Оказывается, к вящему удивлению, что на подобное возведение выдается даже прямое позволение. Конечно, его получают не держатели борделей, а почтенные граждане. Но явное нарушение Протокола 13-го июня 1904 г. тем самым, бесспорно, все-таки допущено. Ибо выясняется еще и то, что эти разрешения выдаются отнюдь не с согласия (и даже не с ведома) всех «Представителей Держав, подписавших Заключительный Протокол 7-го сентября 1901 г.», как то категорически предписывается ст. 4 Протокола 13-го июня, а делается это по единоличному распоряжению главы Миссии. Вот оно—отражение уже знакомой нам теории о том, что в сферу своей, ни с кем не разделяемой собственности входит и прилегающий к Миссии гласис. Но путь правонарушения являет, как известно, плоскость наклонную. И после главы Миссии, следуя преподанному высокому примеру, разрешение на сооружение стены дает уже и более скромный или, вернее, более чем скромный смертный—всего лишь член Административной Комиссии соответствующего участка Квартала, лейтенант такой-то. Все это, согласно признанию самого же дипкорпуса, представляет несомненное правонарушение. И тем не менее он же, дипкорпус, не полагает возможным реагировать мало-мальски реально, и стены, воздвигнутые гражданами, одинаково как почетными, так и менее почетными, он продолжает попрежнему терпеть на площади гласиса ²⁾).

Только-что сообщенное относится, как указано, к 1913-му году. Уже и само по себе оно, без сомнения, в высокой мере показательно. Но эта показательность еще значительно выигрывает, если на одну ми-

1) 2 июля 1913 г.

2) 29 мая и 2 июля 1913 г.

нуту возвратиться назад и заглянуть в протоколы 1910-го года.

Обозревая период 1910—1913 гг., а тем более весь период 1904—1913, читателю нельзя не поразиться, то-и-дело, наблюдая неоднократные колебания и частые перемены, допускавшие в занимающей нас здесь практике Дипломатического Кwartала. Какой-либо определенности, последовательности, принципиальности нет и следа—вопреки тому, что на этот счет любят и принято утверждать.

Нередко здесь бывает даже вот что: не успел дипкорпус изменить свою практику, как в ближайшем же после того заседании он возвращается к практике старой, чтобы затем снова ухватиться за новую, и т. д.

В самом деле: как вопрос обстоял в 1904 г., уже повторно изъяснялось: возводить стены и вообще постройки—запрещалось, и все-таки, преспокойнейшим образом, стены воздвигались. Воздвигались, несмотря на тот факт, что, как уже и отмечено, предусмотренного Протоколом 13-го июня разрешения всех ко-сигнатаров Протокола 1901 г. ни в одном случае получено не было ¹⁾. И такое состояние длилось довольно долго, пока, наконец, в конце (5-го ноября) 1910 г., не спохватились и не приняли решение. Но какое решение? Решение следующее: подтвердить запрет по части сооружения стен, под страхом их сноса; однако, с наличными стенами, хотя бы они были и от позднейшего после 1904 г. времени,—примириться. Не приходится доказывать, что уже и это постановление означало по существу чрезвычайно серьезную уступку.

Но послушаем дальше. Оказывается, что и после того, и после 1910 года, стены продолжают строиться не менее исправно, чем до того. «Кот Васька слушает да ест». Допущенные к пользованию гласисом иностранцы не только не выполняют денежных обязательств, только-что ими принятых на себя по отношению к дипкорпусу, но совершенно по-старому игнори-

---

¹⁾ См. 21 мая 1910 г.

руют запрет, невзирая на его подтверждение и связанную с ним санкцию.

И опять власти Дипломатического Квартала глядят на происходящее равнодушно, пассивно. И опять истекает немало времени. Однако, всему наступает конец. И вот в 1913 г., в уже указанном заседании 29-го мая, вследствие учащения или опасения учащения в будущем относящихся сюда нарушений, дипломаты постановляют: приказать срыть в двухмесячный срок все стены, возведенные на «Северном» гласисе после упомянутой даты 5-го ноября 1910 года.

И что же? А вот что: уже в следующем заседании (от 6-го июня 1913 г.), т.-е. всего лишь через какую-нибудь неделю после последнего распоряжения о срытии, декан (японский посланник *Nikokichi Ijuin*) докладывает собранию о получении им ходатайства от заинтересованных лиц о том, чтобы стены не срывались, за что-де предлагается некоторая денежная компенсация. Немедленно австрийский посланник (*Rosthorn*) высказывается за приостановку решения от 29-го мая, и его поддерживает, из соображений материального свойства, его итальянский коллега (граф *Sforza*). Один только бельгийский посланник (*Cartier de Marchienne*) протестует. Не успело, упрекает он, пройти и нескольких дней, как снова перемена. И на каком же основании? Положительно, если так продолжать, то дипломатическому корпусу недолго и вовсе утратить всякий авторитет. Увы! эти укоризны не оказывают ни на кого желанного действия, и в ближайшем затем собрании дипкорпуса от 2-го июля и он сам, наш бельгийский дипломат, присоединяется к предложению чисто-формального свойства, которым дипкорпус, в споре с узурпаторами прав на гласисе, в существе дела сдает все позиции и окончательно меняет фронт. Кто-то, дополнительно, еще лишь рекомендует поставить, на протяжении гласиса, межевые столбы с инициалами «C. D.» (*Corps Diplomatique*), для сохранения за дипкорпусом, в глазах гуляющей публики, права соб-

ственности на всю территорию гласиса. Это «радикальное» предложение не встречает возражений, и в итоге— все спасено, и вся проблема—разрешена. (Не исключая, надо полагать, и проблемы соблюдения Протокола 1904 г. с его ст. 4, как и повторных постановлений о недопустимости строиться, о срытии стен и т. д., и т. д.??). Все облегченно вздыхают, а декан выражает удовольствие («se félicite») по поводу столь счастливого примирения «всех (sic!) причастных интересов».

IV.

Нельзя не согласиться: на почве Протоколов 1901 г. (ст. VII) и 1904 г. и, далее, выработанного, во исполнение Протокола 1904 г. (его ст. 7), Устава Дипломатического Квартала в Пекине—положение дипкорпуса было не из легких. Безо всякого преувеличения можно утверждать, что многое из того, что в данных актах предусмотрено, осуществить было просто невозможно, и дипкорпус в ряде случаев здесь являлся, как и сейчас является, просто **бессильным**.

Но совершенно очевидно: единственный разумный и достойный выход заключался в прямом, открытом отказе от идущих сюда «прав и преимуществ», если не в целом, то хотя в части. Вместо этого, однако, дипкорпус всего чаще продолжает упорствовать и стремится удержать, по крайней мере на словах, внешним образом, занятую или, лучше, объявленную позицию. Понятно, ничего доброго, ничего, кроме противоречий и лицемерия, кроме Каноссы, к тому же опять неискренней, маскируемой,—получиться не могло и фактически не получилось.

И тут мы не хотим быть голословными. Вот еще и еще факты и примеры.

Однажды случилось так, что некий китайский офицер не был впущен в Дипломатический Квартал, за что, между прочим, обругал полицейского агента. Во-

енный министр, при посредстве Вай-ву-бу, шлет дипкорпусу письмо с жалобой и требованием отменить соответствующую статью Устава, каковая статья запрещала китайцам-военным вступать в Квартал даже тогда, когда они не при оружии, разве бы имелось особое каждый раз на то разрешение.

В заседании дипкорпуса по этому поводу ¹⁾ один из его членов, французский поверенный в делах, предлагает стоять решительно и неуклонно на применении существующих правил. Китайцы,—аргументирует он,— с некоторых пор стараются отвоевать обратно права, утраченные ими вследствие событий 1900 года. Этому должно положить конец. Иначе могут возникнуть серьезные затруднения. В частности, если начать пускать в Квартал китайских военных, то немислимо будет поддержать порядок внутри Квартала.

Но большинство не разделяет этого взгляда, и принимается постановление: «не возбуждая принципиального вопроса», ответить общим образом, что произошла «ошибка» (!), ибо полицейский Устав не мог быть применен (?) к тому случаю, о котором пишет китайский генерал.

Ответ жалкий и бесцельный уже потому, что китайцы, разумеется, не хуже самого дипкорпуса были знакомы с полицейским Уставом и не могли не видеть, что соответствующая статья этого Устава была применена в настоящем инциденте бозусловно правильно. Неудивительно поэтому, что на сказанном не удалось поставить точку.

И действительно: уже в следующем заседании ²⁾ декану приходится начать с доклада о том, что отправленным Министерству Иностранных Дел ответом последнее не удовлетворилось, и что в своей депеше оно теперь требует изменения «недопустимых» правил; что вообще вопрос о свободном движении китайцев в границах Дипломатического Квартала взволновал как Мини-

---

¹⁾ 2 августа 1911 г.

²⁾ 9 сентября 1911 г.

стерство, успевшее прислать целые три ноты на данную тему, так и прессу; что китайские власти придают вопросу большое значение, и что, следовательно, во избежание неприятностей, надлежит урегулировать вопрос наивозможно скорее.

После некоторого, кисло-сладкого, обмена мнений, дипкорпус определяет: послать Вай-ву-бу новую ноту, в которой заявляется, что «действующие в Дипломатическом Квартале полицейские правила никоим образом («en aucun façon») не воспрепятствуют доступа китайским офицерам, даже если они в мундире и при оружии, и что в этом смысле даны инструкции полицейским агентам».

Зато по другому вопросу, обсуждавшемся в том же заседании—о непропуске «китайских тележек», дипкорпус пытается сильно и решительно сохранить «лицо» и отстоять, более или менее, свое на данный счет право¹⁾.

Но, по несчастью, стараниям дипломатов и в данном случае не суждено было увенчаться успехом. Снова приходится уступить и снова—в ближайшем уже по времени собрания²⁾.

Дело в том, что Министерство Иностранных Дел никак не «унижается». От его главы, принца Цина, посту-

---

1) Здесь, быть-может, следует предпослать историческую справку. В ноябре 1909 г. был заключен с китайскими властями договор на один год о праве свободного движения по Дипкварталу всякого рода китайских экипажей и колымаг. За это право китайцы платили в год, на покрытие сверхрасходов по ремонту улиц в Квартале в связи с усилением езды и порчею мостовой,—5.000 мексиканских долларов. Но означенные сверхрасходы оказались равными не 5.000, а «по меньшей мере 15.000 мекс. долл.», вследствие чего договор, после некоторого периода действия, был денонсирован и прекратил свое существование. См. заседания 5 июля 1911 г., а также 27 мая 1911 г. Таким образом, к тому моменту, о котором идет речь в нашем тексте, доступ «китайским тележкам» в Дипломатический Квартал был, юридически, опять возбранен.

2) 2 октября 1911 г.

пает энергичное письмо (на английском языке), в котором указывается, что нет законного основания к препятствованию и лошадям и «тележкам» въезжать в Дипломатический Квартал, и что если дипкорпус будет настаивать на введенной им практике, то выявится несправедливое различие («unfair discrimination») по сравнению с практикою в остальной части Пекина, в которой условия ходьбы и езды всюду одинаковы для китайцев и для иностранцев.

И снова дипломаты заняты взвешиванием всяких «за» и «против». С одной стороны, действительно, полезно «ссадить самолюбие китайцев и успеть им показать, что дипломатический корпус настроен миролюбиво». Так советует нидерландский посланник (Beelaerts van Blokland). А, с другой: как это, на пространстве всего лишь неполных трех недель, изменить свое доведенное до сведения Вай-ву-бу постановление, принятое еще только в прошедшем заседании? Так недоумевает полномочный представитель Испании (Pastor).

Из трудности выводит наш знакомец граф Sforza, к предложению коего примыкают все присутствующие. Надобно, — говорит он: — «поддерживая все же свое постановление в принципе, сказать Вай-ву-бу в своем ему ответе, что дипломатический корпус согласен рассмотреть модальности применения (!) Устава», с каковой целью «имеют быть урегулированы при участии компетентных китайских властей, если то будет нужно, вопросы технического свойства».

Необычайно ясно и точно, — не правда ли? Речь идет о тележке: интересно, где тут «принцип», а где лишь «модальность применения» и «техника»? где кончается одно и где начинается другое? Вот уже подлинно: язык, мысли **скрывающий**.

Затронутая нами тема почти неистощима. Дотого многочисленны относящиеся к ней инциденты. В длинной серии протоколов неизменно бросается в гла-

за рубрика: «Движение («Circulation») китайцев по Дипломатическому Кварталу» ¹⁾).

Странно и «верится с трудом», а тем не менее факт: порою сам дипломатический корпус не желал, в целом, бесспорно, не желал применения установленных для Дипломатического Квартала правоположений. Он сам в известных случаях не сочувствовал их применению, а, напротив того, сочувствовал и содействовал правонарушению и правонарушителям, оказываясь, таким образом, с последними в своего рода если не сообщничестве, то единомыслии. Причем происходило это отнюдь не вследствие осуждения самого правоположе-

---

¹⁾ Кроме уже цит., см., напр., 6 июля 1912 г., 16 сентября 1912 г., 7 октября 1912 г., 19 ноября 1912 г. и мн. друг. В собрании 3-го ноября 1911 года докладывалось, что китайский генерал Ин Чан проехал через Дипквартал в сопровождении отряда из 50 человек верхом, каковой, дескать, поступок является не иным чем, как «вызовом» со стороны военного министра по адресу дипломатического корпуса. Тем не менее, дипкорпус, после некоторого раздумья, предпочел на «вызов» не реагировать.

А в последнем по времени из отмеченных заседаний разбирался следующий, не лишенный юмористического оттенка случай.

В отмену более раннего порядка, дипкорпус принял решение допускать проезд через Дипломатический Квартал рикшей с резиновыми шинами, о чем 9-го октября декан успел сообщить китайским властям. По оплошности, однако, секретариата, полиция Квартала не была осведомлена об этом решении, и приключилось так, что позднее, уже в ноябре, все-таки не был пропущен некий д-р Чан, хотя тот рикша, на котором он восседал, и удовлетворял требованию по части резины на шинах. Чан направлялся на вокзал, но полиция же заставила его повернуть назад, вследствие чего он опоздал к поезду. Мало того: за свое покушение проехать он подвергся еще и штрафу в 50 центов. В результате—официальная переписка, конфуз и извинительное д-ру Чан письмо с возвращением ему «ошибочно взысканных 50 центов».

Более или менее схожие случаи происходили, затем, и с другими китайцами (так, с г. Ван: см. 16 сентября 1912 г. и с др.).

ния, как того можно и следовало бы ожидать, а по причинам характера постороннего.

Полагаю, что я имею право так говорить, ничуть не погрешая против истины. Вот на основании каких, точным образом запрототолированных фактических данных.

Вопреки такой основной норме, как ст. VII Заключительного Протокола 1901 года, китайцы (мы говорим не о прислуге) в большом числе проживали в Дипломатическом Квартале. И даже не только на гласисе¹⁾, но и в самом его центре. Мы имеем в виду известный в Пекине «Grand Hôtel des Wagons-Lits» (для лиц с Пекином не знакомых, добавим, что это одна из двух лучших и обширнейших в столице Китая гостиниц, принадлежащая иностранной торговой ассоциации под английским флагом. Вместе с тем—обстоятельство крайне важное—она является единственной гостиницей, расположенною на территории Дипломатического Квартала).

В Пекине только-что объявлено осадное положение. Сообщая об этом дипломатическому корпусу, Министерство Иностранных Дел просит его содействия по нескольким пунктам и, между прочим, по пункту о проживании в Дипквартале китайцев, виновных в заговоре против безопасности государства.

В заседании 28-го июля 1913 г.²⁾ декан (тот же японец Ijuin) открывает прения по указанному пункту.

Присутствующими делается признание, что в «Hôtel des Wagons-Lits» и в самом деле проживает целая масса («une foule») китайцев, из них большая часть «по политическим мотивам», и, стало-быть, налицо очевидное нарушение ст. VII Протокола 1901 г., запрещающей китайцам проживать в самом Квартале. Припоминают, что в 1911 году в одной из комнат этой же гостиницы были найдены бомбы. Соображают, что, кто знает, и сейчас могут в отеле подготовляться поку-

---

1) См. опять заседание 29 мая 1913 г.

2) Ср. также 3 ноября 1911 г.

шения. И останавливаются перед вопросом: как же теперь быть?

Французский посланник (Conty) требует точного соблюдения правила Заключительного Протокола и, соответственно, выселения китайцев из гостиницы. В этом смысле он даже делает усилия, чтобы убедить своих коллег, колеблющихся и предлагающих полумеры. Но тут громче раздаются голоса в пользу китайских гостей. Впрочем, нет, не столько в их пользу, сколько в пользу отеля или, еще вернее, в пользу акционеров торговой компании—собственницы отеля.

Секретарь Германской Миссии, заменяющий отсутствующего посланника, выражает опасение, как бы «абсолютный запрет китайцам проживать в Дипломатическом Квартале, если таковой запрет будет оставаться в силе без ограничения времени, не ударил чувствительно по делам названного отеля».

Его спешит успокоить бельгийский полномочный министр (уже знакомый нам Cartier de Marchienne): «Нет надобности сохранять на практике занимающий нас запрет за пределами обусловливаемого нынешними обстоятельствами промежутка времени. Как только Пекин возвратится к нормальным условиям, можно будет без неудобства возвратиться и к предыдущему режиму терпимости¹⁾».

А испанский посланник (Pastor) даже полагает, что «в этом именно смысле можно было бы дать и устное заверение директору отеля».

Но Conty опять просит слова: «едва ли удобно столь явно освящать простую фактическую, противоречащую букве (!) протокола терпимость. Без сомнения, администрация отеля и сама не преминет, когда тому наступит возможность, снова же опереться на сказанную терпимость». А в остальном, думает Conty, сообщение в адрес директора отеля можно будет «редактировать следующим образом, дабы хорошо уяснить

---

1) О «режиме терпимости» не раз упоминается еще и в другой связи: см., напр., 23 октября 1912 г.

и мотивы и объем («la portée») решения, принятого дипломатическим корпусом»:

«Учитывая нынешние обстоятельства, дипломатический корпус обратил внимание на необходимость точного применения Протокола 1901 г., поскольку дело идет о лицах, имеющих право жительства в Дипломатическом Квартале... И потому заведывающая отелем компания приглашается отказать от помещения китайцам, которые ныне проживают в отеле» 1).

Предложение французского дипломата одобряется и принимается всем собранием 2) 3).

1) Курсив, разумеется, мой—здесь, как и всюду. В наших протоколах ничего внешне подчеркнутого не встречается.

2) Мимоходом еще скажем: с этим случаем общей и солидарной всех заботы об иностранном капитале в Китае бесполезно сравнить другие случаи, когда налицо конкуренция между одним иностранным и другим иностранным же капиталом. Тогда из союзников наши дипломаты превращаются, легко и скоро, в противников, из коих каждый стремится доставить выгоду своему национальному капиталу, в ущерб интересам капитала чужого. Особенно характерно в этом смысле заседание дипкорпуса 21 ноября 1919 г., когда поверенные в делах Бельгии и Соединенных Штатов Америки не могли поделить между собою «шкуру убитого медведя»—помещение закрытого в связи с мировой войною «Германско-Азиатского банка» (см. ниже нашу гл. VI). Один из соперников старался победить другого тем, что предлагал обнаружить, на стороне конкурентного банка, участие (или сравнительно большее участие) китайского финансового капитала, на-ряду с капиталом чисто-иностранным. Что это китайское участие—минус, умаляющий для банка шансы найти себе приют в границах Дипломатического Квартала в Пекине,—очевидно и развития не требует. (И к этому случаю мы еще возвратимся: см. нашу главу VIII).

3) Стоит ли говорить еще о том, что китайцы и впоследствии неразводворялись снова в том же «Grand Hôtel des Wagons-Lits», сулившем им и продолжающем сулить безопасность (см. также нашу главу VII) в дни—непрекращающихся в Китае—гражданских войн и политической смуты? Едва ли стоит, ибо в Пекине—да в одном ли только Пекине?—этот факт общеизвестен, причем ни для кого не тайна и то, что данное массовое проживание китайцев происходит с ведома и молчаливого согласия, т.-е. попусти-

Трудности и осложнения в жизни Дипквартала вытекали еще из одного немаловажного источника и обстоятельства.

В течение долгого, очень долгого времени не существовало **единства** или неделимости **управления** Дипломатическим Кварталом. На протяжении целого десятилетия (1901—1911) об этом единстве даже почти не возбуждается вопроса ¹⁾.

Различались три отдельные участка: «Восточный», «Западный» и «Английский» ²⁾. В каждом отдельном участке имелась отдельная же полиция, которая действовала вполне самостоятельно и далеко не всегда сходно с полицией двух других участков ³⁾.

В этом отношении достаточно будет отметить тот факт, что полиция «Восточного» участка практиковала

тельства, дипломатического корпуса. Еще недавно Дипквартал—весь в целом, но в особенности все та же названная гостиница—являл дикий зрелище. Под влиянием переживавшихся в Пекине событий, китайские министры, премьер и сам Верховный Правитель, сановники и богачи наводнили Дипломатический Квартал. Они сюда переехали многими десятками и сотнями и перевезли не только свои семейства, но и свои деньги, драгоценности, отчасти свои товары, мебель и пр. И делалось все это среди бела дня, совершенно открыто, без малейшего даже намека на попытку со стороны дипкорпуса или администрации Квартала преградить, протестовать, хотя бы ослабить приток и потоп. Вся эта картина была такова, что в местной французской газете («Journal de Pékin», от 13 апреля 1926 г.) даже появилась горячая, негодующая статья небыизвестного здесь профессора Escarra под выразительным заглавием: «Reflexions sur la Lâcheté».

1) Главнейшее, кажется, исключение относится к одному сравнительно раннему заседанию—от 7 января 1903 года. Потом вопрос почему-то заглох.

2) См., напр., 27 мая 1911 или 6 марта 1913 г.

3) См. опять 23 октября 1912 г. В каждом участке существовал и свой «декан» посланников тех Миссий, которые здесь были расположены («декан посланников Западного участка» и т. п.): см., напр., то же заседание 7 января 1903 г.

наложение штрафов, чего не позволяла себе полиция участков «Западного» и «Английского»¹⁾.

Кстати, несмотря на сильные, проникнутые убеждением возражения со стороны некоторых членов самого же дипкорпуса — в особенности, посланников английского (Jordan) и северо-американского (Calhoun)—против этих штрафов, как меры незаконной, отнюдь не входящей в правомочия посольской полиции,—дипкорпус в целом все же оставался при прежней практике для «Восточного» участка. И, таким образом, попрежнему праздновали победу беззаконие и разноречивой²⁾.

Реально вопрос об объединении управления всем Дипломатическим Кварталом был впервые поставлен в заседании 27-го мая 1911 г. и здесь решен в положительном смысле. Но еще долго после того дипкорпус все топчется на месте, беспомощно и безуспешно. Почасту, а иногда и подолгу в заседаниях³⁾ трактуется о желательности единства администрации, «да только воз и ныне там». Как-то французский посланник (на сей раз Margerie) не может не заметить с горечью: уже прошло свыше года с тех пор, как мы приняли решение слиться, а между тем пребываем, как и раньше, в состоянии раздельности⁴⁾. Но вот опять истекает изрядное количество месяцев, и снова члены дипкорпуса недовольны, и снова они жалуются, а все-таки некоторые правительства не торопятся с присылкою разрешения⁵⁾. Только 21 августа 1913 г., наконец, все требуемое получено, препятствий более нет, и диплома-

1) В рассказанном несколько выше эпизоде с д-ром Чан и выступала как-раз полиция «Восточного» участка.

2) См. уже цит. 16 сентября 1912 г. и 23 октября 1912 г. Впрочем, право налагать штраф «в пределах законов или уставов, существующих в отдельных государствах», введено и в ныне действующий Устав (всего) Дипломатического Квартала: Приложение I, ст. 14.

3) Напр., 3 ноября 1911 г. и 2 февраля 1912 г.

4) 11 июня 1912 г.

5) См. 23 октября 1912 г., 19 ноября 1912 г., 14 мая 1913 г.

ты спешат определить: считать Дипломатический Квартал объединенным и ввести в нем, начиная 1-ым января 1914 г., новый Устав, выработанный уже в 1912 году.

По связи добавим тут же, что Устав Дипломатического Квартала испытал в течение времени и перемены. Так, указанный сейчас Устав, вступивший в действие с начала 1914 года, был «денонсирован» еще в том же 1914-ом году. После чего наступил обычный, в достаточной мере громоздкий и длительный процесс создания нового Устава: назначение специальной комиссии для составления проекта, далее, рассмотрение проекта дипкорпусом — сначала каждым главою Миссии в отдельности, а затем всеми главами сообща—и, наконец, по одобрении проекта дипломатами на месте, отсылка его правительствам, по принадлежности, на предмет его утверждения, сообщения ему законной силы ¹⁾).

VI.

Полезно осветить еще один вопрос.

Мы имеем в виду пресловутое «единогласие», как непереносимое условие для принятия законного решения.

Прежде всего спросим: откуда это требование? откуда его взяли? и почему?

Необходимо подчеркнуть, что в Протоколе 1904 г. (не говоря уже о ст. VII Заключительного Протокола 1901 г.) этого требования не было в качестве условия **общего**. Оно здесь значится в одной только ст. 4, от-

---

¹⁾ См. 12 июня 1914 г. В делах нашего архива нашлись три последовательно изданные печатные Устава Дипломатического Квартала, с текстом французским и (или) английским. Особенно крупных, для нас интересных изменений в позднейших редакциях, по сравнению с предыдущими, не наблюдается.

Мимоходом: в большинстве случаев, вместе с Уставом, напечатан и текст (либо английский перевод текста) самого Протокола 13 июня 1904 г. В этом смысле следует восполнить сказанное выше в конце наших «Вступительных замечаний».

носясь, следовательно, лишь к вопросу о сооружениях, хотя бы временного типа, на гласисе.

Попутно напомним: по иронии судьбы, именно возведение построек, и даже таких капитальных построек, как стены, нередко дозволялось как-раз единолично, а то производилось и вовсе безо всякого (звонения¹⁾).

Наоборот, по всем остальным делам, по которым ни одна позитивная норма не выставляла требования единогласия, это требование, со стороны дипломатического корпуса, признавалось совершенно обязательною «*condicio sine qua non*».

Поистине, странная аберрация!

Правда, согласно ст. 2 того же Протокола 13-го июня, Дипломатическому Кварталу принадлежат «на начале общей собственности» также и находящиеся в его границах улицы, тротуары, мосты, деревья и т. д. Но следует ли отсюда с необходимостью реквизи́т единогласного управления? Нисколько не следует, ибо общая собственность далеко не всегда администрируется по рецепту непременно единогласия.

В пользу единогласия, действительно, гласит правило, выработанное в древнем Риме, и юристам, конечно, хорошо, известно римско-правовое положение: «*In pari causa potior est condicio prohibentis*». Т.-е.: побеждает из сособственников тот, кто не согласен, или другими словами: все собственники должны быть согласны, а без того, а иначе не совершается, не может совершиться и возыметь правовой эффект ничего, решительно ничего. (Не иное что, по существу, означает и знаменитое «*liberum veto*»). Спора нет: для римских юристов это было так, но столь же бесспорно и то, что другие юристы, не «романисты» могут на этот же счет быть и иного мнения, могут полагать, что подобное разрешение проблемы нисколько не обязательно и отнюдь не единственное. Напротив того: современное право не сомневается в том, что при

---

1) См. выше нашу гл. III.

общей собственности может, а то и должен господствовать принцип **большинства**. Именно так, открыто, постановляет, например, Швейцарское (Союзное) Гражданское Уложение от 1907 г. (в действие оно вступило с 1912 г.), справедливо почитаемое наилучшим из западно-европейских гражданских кодексов ¹⁾. Не вдаваясь в ненужные здесь сообщения и подробности, отметим еще только, что и наши Советские Гражданские Кодексы (напр., Гражд. Код. Р. С. Ф. С. Р. 1922 г.) точно так же стоят на резонной почве принятия решений большинством голосов субъектов, участвующих в общей собственности ²⁾.

Как бы то ни было, у наших иностранных дипломатов в Пекине установилась практика, по которой требовалось единогласное **во всех случаях** решение ³⁾.

Но что же из этой практики получилось? каковы ее плоды?

Пусть опять ответят факты. Приведу этих фактов несколько, расположив их в хронологическом порядке. Они больше относятся к «новейшей истории» Дипломатического Квартала, каковое обстоятельство,

---

¹⁾ Ст. 647: «Общие собственники заведывают... имуществом сообща.

На обычные действия по заведыванию... уполномочен каждый из собственников в отдельности, поскольку большинство не постановляет иначе.

Для более важных действий по заведыванию... требуется решение большинства общих собственников, представляющего, вместе с тем, большую часть имущества».

²⁾ Ст. 62: «Владение, пользование и распоряжение общей собственностью должно производиться по общему согласию всех участников, а в случае разногласия—по большинству голосов».

³⁾ Лишь вскользь укажем еще, что для Устава Дипломатического Квартала те же самые дипломаты, однако, согласились санкционировать прямо противоположное. Так назыв. Административная Комиссия принимает решения по большинству голосов, причем, в случае равенства голосов, перевес дается голосом председателя: ст. XI (XIV). Согласно одной более ранней редакции, исключение отсюда допускалось только для сверхсметного расходования, для коего необходимо было единогласие (ст. X).

впрочем, конечно, не случайное: по мере удаления от 1901 и 1904 гг. «в товарищах согласия» становилось все меньше и меньше.

Из истории до мировой войны упомяну только об одном случае в виде примера. Случай касается—отчасти уже знакомого нам—вопроса о штрафах¹⁾.

Китайские власти, в связи с рассказанным мною эпизодом, делают дипкорпусу запрос о применении штрафов. Но члены дипкорпуса, как мы помним, отнюдь не солидарны между собою в данном—не лишено значения—пункте. И долго они препираются, но согласиться все-таки не могут. И приходят к заключению следующему: «ввиду разногласия, признать, что остается, мол, лишь одно: совсем не отвечать на китайское заявление по пункту о наложении штрафов».

Решение, что и говорить, блестящее!²⁾.

Но страусова политика, оказывается, не всегда бывает спасительна. И вот уже через две недели с небольшим, уже в ближайшем заседании, тот же досадный вопрос всплывает вновь. Притом, конечно, с тождественным опять результатом. После повторных—не менее оживленных, но и не менее бесцельных—преений, дипломаты убеждаются, что попрежнему общего мнения у них нет. Что же они делают? А вот что: «за поздним часом» они вопрос переносят «на одно из дальнейших заседаний». Т.-е., другими словами, они вопрос окончательно хоронят—с соблюдением, в остальном, всех внешних форм условного приличия³⁾.

Такова картина до-военная. Но еще гораздо безотраднее она становится **позднее**—во времена мировой войны. Все ближе, все грознее надвигается в более трудных и острых вопросах... «паралич».

И тут я не стану утомлять читателя изложением всего сюда идущего, а сосредоточусь, главным образом, на более детальной передаче только немногих

---

1) См. выше гл. IV.

2) Снова 7 октября 1912 г.

3) 23 октября 1912 г.

случаев—сравнительно крупных и, думается, назидательных. По времени эти случаи—от второй половины 1917 г. и от 1918 г. ¹⁾).

Сначала расскажем о 17-м годе.

Французский посланник (Conty) просит о созыве дипломатического корпуса, дабы установить взгляд на правовое положение, в котором ныне, с объявлением Китаем войны Германии и Австро-Венгрии, очутились части гласиса, находившиеся в мирное время под управлением этих двух стран ²⁾).

Он сам, Conty, исповедывает следующее убеждение.

По силе ст. 5 Протокола 13 июня 1904 г., весь гласис почитается общей собственностью, а начальники охранных отрядов призваны эту общую собственность утилизировать в целях военных—в целях ее, данной общей собственности, военного укрепления и защиты.

Но вот сейчас, 14-го с. м., наступила война—война Центральных Империй с Китаем. Какие же отсюда последствия?

Последствия те, что названные воюющие с Китаем государства утратили все преимущества, покоящиеся на их договорах с Китаем, а если так, то утратили и право общей собственности на нераздельный участок земли, каким является гласис; они, далее, утратили и всякое право участвовать, прямо или косвенно, в укреплении и защите того же гласиса. Утратив же это право, воюющие державы не могут и поручить его кому бы то ни было.

---

1) Мелких случаев немало. Довольно констатировать, что даже по такому, уже подлинно микроскопическому, вопросу, как вопрос о том, предоставить ли, или не предоставлять под лаун-теннис часть гласиса (прилежавшую раньше к Германской Миссии),—и по нему дипломатические представители неспособны сговориться и расходятся, опять же не приняв решения. («Ввиду того, что рассмотренное ходатайство не может быть принято единогласно, декан объявляет прения оконченными»). См. 23 марта 1920 г.

2) Заседание 23 августа.

«Таким образом, часть все той же нераздельной земли отныне перестает ведаться кем-либо в отдельности и возвращается автоматически под общее покровительство наличных членов того сообщества, нераздельною собственностью коего эта часть всегда продолжала состоять. Вот эти-то члены и вправе немедленно распределить между собою пользование и охрану данной части земли».

Разумеется, практическое осуществление вытекающих отсюда мер—это уже забота начальников охраных отрядов. Однако он, французский посланник, решается рекомендовать «доброжелательному вниманию своих уважаемых коллег» выраженное японским посланником пожелание, чтобы именно японскому отряду была вверена охрана участка гласиса, охранявшегося до сих пор австрийским отрядом.

Изложенное воззрение разделяется присутствующими, как, равным образом, удовлетворяется и просьба японского коллеги.

Не встречает, в конце-концов, препятствий по своему содержанию и еще одно, небольшое по значению предложение.

Его делает уже японский посланник (барон Hayashi), который не хочет оставаться в долгу и высказывает мысль о желательности переименования улиц Дипломатического Квартала, поскольку названия улиц—немецкие. Было бы,—замечает он,—по меньшей мере, странно сохранять благоговейно за некоторыми улицами Квартала немецкие имена, долженствующие увековечить память о народах, ныне (с Китаем) воюющих».

Правда, не без трений и оговорок, однако, и это предложение еще проходит — в измененной только форме (решают, что соответствующую мысль следует подсказать неофициально Административной Комис-

сии, к компетенции которой относится вопрос о названиях улиц) ¹⁾.

Но вот выдвигается третий и важнейший из данной группы вопрос—вопрос о подсудности австро-германцев. Его выдвигает, еще в том же заседании, исполняющий обязанности декана, нидерландский посланник (тот же Beelaerts van Blokland), которому поручена защита интересов подданных обеих Централь-ных Империй.

Дело идет о «Международном Смешанном Суде» в Шанхае. Могут ли здесь, или не могут названные подданные притязать на преимущества, выпадавшие на их долю до войны?

Для нидерландского посланника утвердительный ответ не подлежит никакому сомнению. По его мнению, австро-германцы с полным основанием доказывают, что состояние войны неспособно изменить общее положение иностранцев в Китае. А так как, далее, согласно устройству Микст-Корта в Шанхайском селтльменте, одним из членов суда должен быть «либо заинтересованный консул, либо консул дружественной державы», то очевидно, что в настоящих условиях должен заседать нидерландский консул. Такое толкование, заключает нидерландец, «неоспоримо». Тем не менее, ему желательно узнать, каков по данному вопросу взгляд уважаемых членов собрания.

К огорчению оратора, о своем решительном с ним несогласии спешит заявить французский коллега. Аргументация последнего отчасти нам уже известна. Она аналогична рассуждению того же дипломата в отношении гласиса.

Австро-германцы, разъясняет Conty, как вообще иностранцы в Китае, могут, в своих требованиях по части прав, опираться только на действующие договоры. Между тем, Китай денонсировал все заключенные

---

¹⁾ Вследствие сказанного одна из двух главных улиц Дипломатического Квартала переименована из «Rue Thomann» в «Rue Marco Polo».

как с Германией, так и с Австро-Венгрией, трактаты, за исключением единственно лишь Гаагских конвенций о нормах права войны. Ясно, следовательно, что австро-германцы потеряли привилегию консульской юрисдикции, как и все прочие привилегии, которые ими выводились из договоров. Принимая, затем, во внимание, что реализацию потерянного права невозможно делегировать, неизбежно притти к заключению, что о замене германской или австро-венгерской консульской юрисдикции нидерландскою консульскою юрисдикциею, понятно, не может быть речи. «В отношении неприятелей, к Китаю возвращается, автоматически, вся совокупность прав и привилегий, вытекающих из суверенитета; отныне проживающие в Китае австро-германцы подчинены территориальной юрисдикции: их статус не может быть отличным от статуса самих китайцев».

Но с этим, в свою очередь, не хочет никак согласиться нидерландский посланник. Неужели австро-венгерцев возможно уравнивать с китайцами? Их можно бы уравнивать разве с некоторыми иностранцами же: с теми из них, которые не состоят с Китаем в договорных отношениях,—напр., с швейцарцами или с румынами¹⁾.

Но тут уже все: и французский посланник, и русский (кн. Кудашев), и итальянский (барон Aliotti), и бельгийский (May),—все они протестуют против сближения неприятеля с иностранцем «внетрактатным».

---

1) С тех пор и швейцарцы получили в Китае «привилегии»: договором «о дружбе» заключенным с Китаем в Токио 13 июня 1918 г., Швейцария вступила в число так-наз. «трактатных держав», с обеспечением своим гражданам консульской юрисдикции (см. «декларацию» при договоре).

Быть-может, любознательный читатель по сему случаю полюбопытствует справиться, сколько ныне имеется этих «трактатных» государств, и кто они? Вот их список (в русском алфавитном порядке): Бельгия, Бразилия, Великобритания, Дания, Испания, Италия, Мексика, Нидерланды, Норвегия, Перу, Португалия, Соединенные Штаты Америки, Франция, Швейцария, Швеция и Япония (всего 16).

И с своей стороны стараются опровергнуть нидерландского коллегу.

Что режим капитуляций не может сохраняться для воюющей стороны—самоочевидно. Это раз.

Во-вторых, нельзя забывать, что само китайское правительство намерено осуществить свое—ныне отвоеванное—право суда над неприятельскими гражданами, жительствоющими здесь, в Китае, о чем главы Миссий уже даже извещены официальной нотой о применении именно китайской юрисдикции к германским и австро-венгерским подданным.

Декан: Да, это верно; я эту ноту получил, но ею не затрагивается производство Микст-Корта в Шанхайском Международном селтльменте.

Барон Aliotti просит «уважаемого коллегу» не отказать учесть и прецедент, наблюдаемый в Турции: там подданные иностранных государств, находящихся в состоянии войны с Турцией, в настоящее время подведомственны судам турецким.

Но **декан** не усматривает никакой возможности провести параллель между Китаем и Турцией по обсуждаемому вопросу о юридическом положении иностранцев. Для него, попрежнему, австро-германцы в Китае—это внетрактатные иностранцы.

May: Но можно ли в пользу такого тезиса привести хотя малейший прецедент?

Conty: Факт остается фактом: Центральные Империи воюют с Китаем, а воюющая страна не может никогда сопоставляться с нейтральной страной. Да и устав самого Микст-Корта не мог быть написан для неприятельских подданных. «Права, которыми мы пользуемся на землях иностранных концессий—составной части китайской территории,—никогда не создают для нас ничего другого, кроме делегированного китайского суверенитета». Между тем австро-германцы, вследствие своей войны с Китаем, не могут иметь от Китая ни поручения, ни, стало-быть, каких-либо прав. И потому представитель нейтральной державы, который принимает на себя охрану прав австро-германцев, мо-

жет охранять лишь то, что еще уцелело в их активе после упразднения специальных договоров. А это сводится, помимо указанных прав на основе Гаагских конвенций, всего лишь к началам простого человеколюбия, поскольку эти начала общепризнаны.

Кн. Кудашев останавливает внимание присутствующих на последствиях—по меньшей мере неожиданных—отстаиваемого деканом тезиса. На основе его концепции, не окажется ли, что Китай на своей же территории признает за неприятельскими подданными больше прав, чем за своими собственными гражданами?

Нет, возражает опять **декан**: не больше прав, а лишь столько же. Ибо китаец может быть уверен, что в лице своего китайского судьи он найдет в Микст-Корте те же гарантии, что немец или австро-венгерец пред лицом голландского судьи.

Но с деканом собрание решительно не согласнo, и заседание кончается заявлением декана о прекращении прений—ввиду невозможности для него самого отказаться от своей точки зрения и, в то же время, невозможности добиться единогласия в суждениях.

Таково это первое заседание после длинного, более чем трехлетнего, перерыва.

Мы оставляем в стороне следующее заседание (посвященное всецело вопросу о форме выражения соболезнования Президенту Республики по случаю кончины его жены) и переходим к последующему, третьему¹⁾.

И здесь мы снова сталкиваемся с весьма существенным разногласием: снова дипломаты не только не солидарны между собою, но даже, как бы, находятся в двух противоположных, чуть ли не враждебных лагерях. И, соответственно, результат заседания—по крайней мере, по занимающему нас, наиболее жгучему вопросу—опять-таки нулевой. Требуемого еди-

---

¹⁾ 2 октября 1917 г.

ногласия не получается, а с ним не получается и вообще решения.

На сей раз вопрос идет о казармах—казармах, которые до объявления войны Центральным Империям были заняты стражею германскою и австро-венгерскою.

Эти казармы нидерландский посланник ныне занял своими солдатами. В ответ на сделанный ему запрос его французским коллегой¹⁾: насколько законна подобная мера, сводящаяся, по своему существу, к принятию нейтральным государством мер военного характера,—голландский дипломат отвечает так:

—Призванный охранять Миссии названных двух держав, я должен был позаботиться и о казармах, о которых идет, речь, как о недвижимости тех же Миссий. Что касается китайского правительства, то оно не могло принять требуемых мер, раз имущество находится в пределах Дипломатического Квартала. И мне не оставалось ничего другого, как использовать нидерландских солдат—единственных сторожей в моем распоряжении.

Этот ответ, однако, вызывает настойчивый протест со стороны представителей Антанты: прежде всего Франции, а затем Италии, Бельгии, России.

Все они аргументируют опять же знакомым нам образом.

Право содержать свою стражу в Дипломатическом Квартале покоится на Заключительном Протоколе 1901 года, каковой-де Протокол—в своем качестве договора между Китаем,—с одной, и одиннадцатью державами, в том числе и Центральными Империями, с другой стороны—с наступлением войны между Китаем и этими Центральными Империями, для последних прекратил свое существование—прекратил, конечно, окончательно и навсегда. Ибо не может подвергаться сомнению и то обстоятельство, что преимущество (о котором

---

¹⁾ Графом Martel, в то время поверенным в делах (сейчас он же состоит французским посланником в Пекине).

идет речь) иметь свою собственную стражу на чужой территории—преимущество в изъятие из «общего» (международного) права»,—что оно не воскреснет, не может воскреснуть само по себе даже и после окончания войны.

А отсюда ясно, что занятие германской и австрийской казарм нидерландскою военною силою направлено на поддержание прав, которых более нет, какового рода действие, разумеется, недопустимо.

К тому же, содержание постоянной стражи Миссий в Пекине имеет своею целью только защиту дипломатического персонала, а сейчас дипломатического персонала Германии и Австро-Венгрии нет в Пекине.

Какой же из всего этого сделать вывод?

А тот вывод, что на почтенном представителе Нидерландов только одна лежала, как и продолжает лежать, забота. Это—охрана архивов и самых зданий Миссий. Вот и все. Но для этого совершенно достаточно было простого наложения печатей. Вводить же нидерландских солдат, хотя бы лишь в только-что указанные здания Миссий, на предмет их сохранности,—и такая защита уже недопустима. А тем менее допустима подобного рода защита в отношении казарм. В настоящем случае допущено уже злоупотребление, подлинное злоупотребление, притом направленное против территориального суверенитета страны, т.-е. Китая¹⁾.

Наконец, в лучшем случае, можно было, вместо голландских солдат, направить в казармы либо полицию Дипломатического Квартала, либо даже просто китайскую прислугу («de simples boys»).

Но и нидерландский посланник, в свою очередь, выдвигает аргументы.

Весь комплекс зданий,—доказывает он:—принадлежащих к той или другой Миссии, и дом, где живет

---

1) Мне трудно не воскликнуть: сколь трогательно это опражнение китайского суверенитета представителями европейских «трактатных» держав!

сам глава Миссии, и служебные помещения Миссии, и строения для охраняющей Миссию стражи,—все это представляет единое целое, где одна часть не более как продолжение другой. И, соответственно, все это обнимается одним общим понятием и общим названием Миссии. Различать же в границах Миссии, отделять в ней одну часть от другой, отграничивать, напр., дом самого посланника от помещения, где работает его служебный персонал,—в Пекине крайне нелегко, чтобы не сказать: невозможно. А если так, то отсюда логически вытекает распространение привилегий, которыми в Китае пользуется данная Миссия, на всю ее недвижимость. Отсюда же следует и невозможность для него, нидерландского посланника, обязанного охранять всю Миссию германскую, как равно и всю Миссию австро-венгерскую, ограничиться охраной одних только частей названных Миссий. И стало-быть: если не приходится спорить против охраны, путем занятия военною стражею, Миссий в тесном смысле слова (а спорить против этого, согласно убеждению оратора, никак уже нельзя), то не приходится, равным образом, спорить и против такого же рода занятия казарм, как нормального положения Миссий в уже выясненном смысле и значении.

Точно так же и в отношении личного состава нидерландский посланник не склонен «размежевывать»: по его мнению, и стража—в лице, по меньшей мере, офицеров—пользуется тем же дипломатическим иммунитетом, что посланник и нормальный персонал Миссии.

Пред дипкорпусом, таким образом, встал вопрос: «Является ли в Китае недвижимость, отведенная для жилья страже Миссии, чем-то определенно отличным от здания Миссии? и распространяются ли, или нет, на эту недвижимость права иммунитета, признанные международною практикою?»

Этот вопрос и поставлен был на голосование. Но голоса, как и следовало ожидать, разделились—разделились безнадежно. На одной стороне оказались: Бель-

гия, Великобритания, Португалия, Россия, Франция и Япония, на другой—Нидерланды. Прочие участники собрания, по тем или другим причинам, от голосования воздержались.

Однако, как следовало толковать это голосование? Не влекло ли оно, все же, практических последствий?

И по этому поводу произошел обмен мнений:

Декан (тот же голландский дипломат): Чтобы изменить уже принятые фактически меры, нужно единогласие, но этого единогласия нет.

Итальянский посланник: Пред нами порочный круг. Ибо, прежде чем предлагать вопрос, требуется ли единогласие для того, чтобы лишить представителя нейтрального государства права охранять немецкие казармы, надлежало бы установить, не требовалось ли это самое единогласие уже раньше: тогда, когда данный представитель еще только брал на себя спорную охрану казарм.

В заключение, наши дипломаты успокаиваются на том, что каждый из них запросит свое правительство, как по вопросу о казармах, так и по вопросу о командном составе стражи и его иммунитете. Каждое правительство тогда даст своей Миссии ответ. Каковой, впрочем, ни для одной из остальных Миссий не будет ни в малейшей мере обязательен.

Из протокола данного заседания отметим еще только немногое.

Бельгийский посланник был дотога огорчен всей развернувшейся пред ним картиною, что даже открыто высказал свою скорбь. Скорбь о чем? О том, что для случаев невозможности притти, за отсутствием единогласия, к какому-либо решению не существует никакой «санкции».

А испанский посланник (Pastor) убежденно заявил:

«Создаваемые в Китае силою Протокола 1901 г. ситуации подчас настолько сложны и настолько требуют тонкого юридического толкования, что основа-

тельное их обсуждение в самом Пекине, в простом собрании дипломатического корпуса—невозможно. Так, для разрешения поставленного пред нами вопроса необходим специальный конгресс». Ибо: «нельзя упускать из виду, что в Китае все проблемы международного права приобретают исключительный характер. Разве, напр., еще где-либо в мире существует хотя одно государство, где бы дипломатические Миссии находились под охраною своей собственной военной стражи?»

В настоящей связи остается поведать еще только об одном заседании дипломатического корпуса—уже от 1918 года (14-го ноября). Оно целиком посвящено единственному вопросу—вопросу, получившему правильное обозначение в заголовке протокола данного заседания: «Разгром и разграбление («sac et pillage») немецких лавок, а также здания Германско-Азиатского банка („Deutsch-Asiatische Bank“) в Дипломатическом Квартале».

Вследствие событий, имевших место накануне вечером, все тот же нидерландский посланник, по своей обязанности охранять австро-германские интересы, обращается к декану (сэру Jordan) с письмом, в котором просит его о срочном созыве собрания начальников охранных отрядов при Миссиях, с целью обсуждения мер, которые могут быть приняты для предупреждения дальнейших беспорядков. Посланник затем продолжает:

«К своему сожалению, я должен констатировать, что, несмотря на предупреждение мною Административной Комиссии Дипломатического Квартала о предстоящей опасности, полиция Квартала не приняла необходимых мер, чтобы предупредить или хотя остановить насилие. Признаюсь, что задача полиции была из очень трудных, раз главнейшими виновниками были солдаты, принадлежащие к страже при некоторых Миссиях, каковые солдаты работали на глазах своих начальников и с видимого их одобрения».

В заключение письма высказывается мысль о желательности скорейшего рассмотрения вопросов об установлении ответственности и о возмещении убытков «жертвам», пострадавшим в пределах Дипломатического Квартала.

Однако, разрешение этих вопросов, в созванном вследствие письма заседании, не встречает сочувствия большинства членов дипломатического корпуса.

Новый **французский посланник** (Ворре) прямо возражает, что ответственность должна быть отнесена, прежде всего, за счет тех влияний, благодаря которым австро-немцы в Китае оказались изъятые из-под нормального действия законов войны. «Если бы неприятельские подданные были интернированы, как то должно было сделать; если бы их лавки были закрыты и ликвидированы, как то опять-таки должно было сделать...,—тогда общественное чувство не было бы доведено до той степени возмущения, которая привела к неизбежности событий, совершившихся при получении известия о продиктованном Германией перемирии».

В своей реплике **представитель Голландии** спешит выразить сомнение, подлинно ли общественное мнение сыграло в данном случае столь решающую роль. Так, замечает он не без иронии, едва ли можно думать, что мысли, только-что здесь развивавшиеся, были на уровне интеллекта тех солдат-аннамитов, которыми учинены насилия.

Далее, поддерживаемый датским посланником (графом Preben Ahlefeldt Laurvig), он обращает внимание на рядотягчающих обстоятельств: среди жертв имеется бедняк, лишившийся своего последнего достояния; происходил и систематический грабеж; похищенные вещи продавались тут же, на улице.

Но все это остается без отклика.

Ворре: За немцами здесь, в Китае, сохраняется неизменно их «право на интернирование». «И совершенно не зачем им было очутиться в Дипломатическом Квартале, где одно уже присутствие их и открытые

их лавки, посреди всеобщего волнения по случаю вести о перемирии, являлись настоящей провокацией».

К французскому коллеге присоединяется и **декан**. Справедливо, поясняет он, что немецким торговцам вовсе не надлежало находиться в Дипломатическом Квартале. Но уже во всяком случае, они в границах Квартала не могли пользоваться никакими гарантиями. Если уже поднимать вопросы о праве, то следует учесть, что, за исключением банков, поселившихся тут еще до Заключительного Протокола 1901 г., ни одно торговое заведение не имеет, по настоящему, права открываться в Дипломатическом Квартале. И поэтому: будучи просто терпимы, иностранные торговцы в названном Квартале должны нести весь риск, связанный с прекарным своим положением.

Испанский посланник полагает, что, ввиду несогласия большинства начать следствие, не остается ничего другого, как отложить весь вопрос до того времени, когда будет созвана мирная конференция. И это тем более, что в сущности дело идет об инциденте во время войны. Ибо состояние войны все еще продолжается: перемирие не есть еще мир.

Барон Гаяши философски замечает: Нельзя не отдать себе отчета в том, что в один и тот же час того же порядка инциденты произошли, и даже в немалом количестве, на пространстве также всего остального земного шара.

А бельгийский посланник отмечает и подходящий, по его мнению, прецедент. Еще даже до разрыва дипломатических сношений между Китаем и Германией, в Пекине происходили антигерманские демонстрации, сопровождавшиеся точно так же причинением убытков. Но никто тогда не заявлял каких-либо притязаний, не исключая и самого германского посланника.

Вконец обессиленный, **голландский дипломат** заявляет, что он готов бы удовлетвориться и предварительным только постановлением, при условии, что в нем присутствующие главы Миссий выскажут свое

официальное признание того—пусть лишь принципиального—права на вознаграждение, которое принадлежит немцам, пострадавшим от событий 13-го ноября.

Но и в этом ходатайстве иностранные дипломаты, каждый по-своему, отказывают блюстителю германских интересов, после чего декан провозглашает:

«Собрание в достаточной мере убеждено в бесполезности продолжать дебаты».

И заседание закрывается.

VII.

Отдельно стоит вопрос о праве убежища в Дипломатическом Квартале.

На данное право дипкорпус в Пекине неизменно притязает и нередко его осуществляет.

В этом отношении наши Протоколы весьма ясны и не оставляют никакого сомнения.

В особенности красноречив протокол от 8 ноября 1917 г.¹⁾. Все заседание посвящено именно праву убежища, и вот по какому поводу.

Некий китайский генерал Чан Сюн со своим бывшим начальником штаба Ван Шен-ши уже целые пять месяцев скрываются в Дипломатическом Квартале: первый—в Нидерландской Миссии, а второй—во Французской.

Китайское правительство просит об удалении названных лиц, главнейшим же образом Чан Сюна, пребывание которого в Пекине, положительно, чревато неудобствами для правительства. Последнее даже предлагает дать гарантии, обеспечивающие неприкосновенность личности названного генерала. Тем не менее, нидерландский посланник (наш знакомец Beelaerts van Blokland) не соглашается пригласить своего протеже покинуть Дипломатический Квартал. Тогда китайское центральное правительство апеллирует к дип-

¹⁾ Ср. еще, напр., нераз уже цит. заседание 3 ноября 1911 г.

корпусу. При этом, Вай-цзяо-бу—видимо, раздосадованный всем предыдущим—в своем письменном обращении кое-где и выходит за рамки изысканной любезности.

Естественно, дипломаты не оставляют этой непочтительности без своего внимания, как, затем, порицают и другие отдельные места в полученном деканом послании.

Если, однако, отбросить и это и многое другое, затемняющее и ненужное, не исключая некоторых недоразумений и несогласий самих посланников между собою,—то итоги заседания выразятся в следующем.

Посланниками признается, что удерживать в Дипломатическом Квартале „бунтовщика Чан Сюна“ (к тому же, „простого атамана разбойников, от которого пострадали и все Миссии“) было бы актом, по адресу Китая, недружелюбным. И потому дипломаты решают удалить его. Но как сие осуществить таким образом, чтобы изгнаннику не угрожала ни малейшая опасность, а, вместе с тем, сохранить за ним свободу? И, далее, таким образом, чтобы положение его отнюдь не оказалось хуже, чем положение тех „сеятелей смуты и делателей бомб“, а зачастую и просто уголовных преступников, которые ищут убежища на иностранных концессиях (в Шанхае и других местах) и такое убежище там действительно находят, спокойно после того отплывая морем куда-нибудь за границу¹⁾; наконец, таким образом, чтобы и честь Нидерландской Миссии не была затронута ниже в отдаленной мере.

После немалых колебаний (напр., куда направить субъекта: в Шанхай ли? в Тяньцзин?), посланники останавливаются на мысли, отчасти, впрочем, подсказанной самим китайским правительством, и определяют послать китайского генерала на французский остров Соединения („île de la Réunion“, прежде остров Бурбон) близ Мадагаскара. Постановление гласит:

¹⁾ Об этом см. еще, напр., заседания 6 июня, 28 июля и 21 августа 1913 г.

8/х. 1917

„Чан Сюну будет предложено покинуть Дипломатический Квартал, **под покровительством дипломатического корпуса**, чтобы отправиться на французский остров „Réunion“; здесь он будет проживать на свободе, под покровительством французских законов, до окончания войны, когда от него самого будет зависеть отказаться от убежища на французской территории и отправиться, куда он пожелает, за исключением, однако, Китая, пока китайское правительство не отменило своего запрета по его адресу проживать в Китае“.

Но еще ярче тот же вопрос о праве убежища вырисовывается из следующего места протокола данного же заседания, каковое место я и привожу полностью и почти дословно.

Убеждая нидерландского посланника уступить и согласиться считаться, хотя в некоторой степени, со всем дипкорпусом в целом, барон **Aliotti** замечает:

„Несомненно, что Миссия, в Дипломатическом Квартале, не может осуществлять свое индивидуальное право убежища без создания, в известной части, коллективной ответственности всего дипломатического корпуса. Ибо последний обязан контролировать все, происходящее в границах Дипломатического Квартала; он же является и обладателем права общего убежища („d'un droit d'asile général“), каковое право стоит выше, чем право отдельного убежища („droit d'asile particulier“), принадлежащее каждой из Миссий“.

Однако, **представители Бельгии, Нидерландов, России и Франции** решительно протестуют „против теории, ведущей к умалению прав отдельной Миссии, когда она расположена в Дипломатическом Квартале. Миссия, находясь внутри этого Квартала, не может обладать меньшими правами, чем находясь в другом месте“.

Их поддерживают также коллеги **португальский** (Batalha de Freitas) и **северо-американский** (Reinsch).

Первый: „Не думаю, чтобы Португальская Миссия, как равно и Датская, только потому, что они

лежат **вне** Дипломатического Квартала ¹⁾, обладали большими правами“.

Второй: „Подчинять индивидуальное осуществление права убежища коллективному контролю дипломатического корпуса означает установление абсолютно новой теории, которая странным образом урезывала бы право, всецело признанное за каждою Миссиею“.

Aliotti поясняет свою мысль:

„Конечно, в принципе право каждой Миссии остается неприкосновенным, но фактически не может, ведь, глава Миссии, принимая кого угодно в Дипломатический Квартал и злоупотребляя своим правом отдельного убежища, не подвергнуться опасности выслушать коллективные нарекания дипломатического корпуса, каковые нарекания, в остальном, будут чисто-дипломатического характера“.

Декан (Sir Jordan) „По моему мнению, расположенные внутри Дипломатического Квартала Миссии подчинены установленному Протоколом режиму и потому неизбежно ограничены в осуществлении известных своих прав. Миссии не могут предоставить кому-либо убежища, не порождая тем самым коллективной ответственности всех других Миссий, которые входят в Дипломатический Квартал на правах членов этого объединения“.

На этом дебаты по данному принципиальному вопросу пока прекращаются. Однако, непосредственно пред закрытием заседания **представитель России** еще раз возвращается к тому же вопросу и просит не отказать—в виду разности взглядов, высказанных в заседании касательно объема принадлежащего каждой отдельной Миссии права убежища—„твердо установить, что собрание нисколько не полагало подвергать сомнению индивидуальный характер означенного права, каковым полностью обладает каждая отдельная Миссия и каковое Миссия осуществляет

---

¹⁾ Ныне обе эти Миссии переселились в Дипломатический Квартал, и вне Квартала находятся, главным образом, только Миссии: Швеции, Норвегии, Кубы.

независимо от права коллективного убежища, могущего быть признанным за объединением дипломатического корпуса на пространстве Дипломатического Квартала“.

„И данный тезис собранием подтверждается“.

Итак, **бесспорно**, право убежища—с точки зрения дипломатического корпуса—**существует**. Притом существует—и это точно так же вне спора—для каждой Пекинской Миссии в отдельности, совершенно безотносительно к тому, находится ли Миссия в пределах Дипломатического Квартала, или за его пределами. Вспомним, что было сказано: трактуемое принадлежащее Миссии право не может умалиться от нахождения Миссии на территории Дипквартала. Стало-быть, ясно: Дипквартал не при чем, а Миссия пользуется правом убежища, ничуть не базируя своих прав на правовом положении Дипломатического Квартала.

Но, далее, и у этого последнего—у Дипквартала в целом—тоже, в свою очередь, имеется право убежища: „общего“ или „коллективного“ убежища, в отличие от присущего отдельным Миссиям права убежища „индивидуального“ или „частного“. И это опять-таки не отрицается ни одним из дипломатов. Все разногласие между ними в данном отношении заключается исключительно в том, что, на взгляд одних, частное подчиняется общему, индивидуальное—коллективному, а на взгляд других, подобное подчинение или ущемление права отдельной Миссии недопустимо. Оба, мол, права (такова, очевидно, концепция)—и отдельной единицы и всего целого—существуют параллельно, не задевая одно другого, в неумаленном каждое виде.

Объективность тут же велит добавить, что дипломатическое право убежища не одним только Дипкорпусом утверждается или виндицируется. Здесь нет одностороннего притязания, остающегося без отзвука и признания. Нет, и китайское правительство несколько не отрицает права убежища за аккредитованными при нем представителями иностранных государств.

Снова приведем несколько строк из протокола все того же заседания.

Нидерландский посланник напоминает собранию, что глава нынешнего (китайского) правительства и сам, уже заранее, допустил возможность предоставить убежище. „Хотя Чан Сюн и заслуживает, по закону, наказания, но это ему не мешает найти себе убежище в Миссии“. Таковы собственные слова маршала Дуань ¹⁾, в одной его телеграмме, сообщенной в свое время нескольким главам Миссий. Причем это было высказано отнюдь не раньше того момента, когда Чан Сюн был объявлен „вне закона“, а, наоборот, уже тогда, когда „за его голову была назначена денежная награда“.

И далее: „В 1913 году,—так продолжал тот же посланник—,дипломатический корпус уведомил китайское правительство об усвоенном им **правиле поведения** („règle de conduite“): это правило определяет только изгнание искавшего убежища лица за пределы китайской территории.“

Но о каком-либо протесте, со стороны китайского правительства в ответ на это уведомление, никто ничего не слышал.

Повидимому, китайским правительством не отвергалось даже и то другое право убежища, которое дипломатами, как мы видели, называется правом „коллективного“ или „общего“ убежища в пользу всего Дипломатического Квартала, как такового.

По крайней мере, вспомним, что в другом, уже известном нам, случае, когда политические противники китайского правительства во множестве проживали в „Grand Hôtel des Wagons-Lits“ ²⁾ — обсуждение требования правительства о запрете дальнейшего там проживания китайцев происходило отнюдь не в плоскости

¹⁾ Полнее: Дуань Цзи-жуй. Это не иной кто, как „Верховный Правитель“ Китайской Республики в весьма недавний еще период здешней истории (декабрь 1924-го по апрель 1926-го года).

²⁾ См. выше нашу гл. IV.

права убежища, его отрицания и т. п., а единственно в плоскости той нормы Заключительного Протокола 1901 г., которая **китайцам** запрещала жительство в пределах Дипломатического Квартала.

Следовательно, еще раз: трактуемое право убежища—дипломатических Миссий в отдельности и всего Дипломатического Квартала в Пекине в целом—существует и признано.

Но откуда же почерпнуто это право? Ведь, общеизвестно, что права убежища давно уже нет более. В течение XIX столетия—учит, напр., Oppenheim—и последние его остатки исчезли.

И в общем, стало-быть, прав был барон Гаяши, когда все в том же заседании обращал внимание своих коллег на то обстоятельство, что „во всякой другой стране, в Европе и Америке, ищущего убежища просто попросили бы, чрез некоторое время, покинуть Посольство или Миссию...“

В интересах полноты и точности нашего суждения, мы здесь позаимствуем опять же у Oppenheim'a еще два замечания. Они отлично рисуют положение вопроса, в согласии с тем воззрением, которое ныне безусловно господствует:

„Что на практике, в дни революции и преследования определенных классов населения, подчас предоставляется убежище людям, ищущим его, и что это уважается местными властями,—на данный счет нет никакого сомнения. Однако, эта случайная практика не колеблет силы общего положения международного права, гласящего, что на стороне государства, принимающего посла, нет обязательства предоставлять ему право убежища относительно лиц, которые не принадлежат к сопровождающему его персоналу“.

И еще: „Южно-Американские государства, за исключением Перу, еще предоставляют иностранным послам право убежища по адресу лиц; спасающихся от политического преследования во время революции. Однако, признано, что это право не покоится на по-

ложении международного права, а покоится единственно на **местном** обычае („local usage“) ¹⁾.

Таким образом, не существует правоположения в пользу „jus asyli“. Это несомненно. Но затем: как же обстоит дело с „**местным** обычаем“ в отношении занимающего нас Китая, Пекина, Дипломатического Квартала?

Приходится ответить: и об „обычае“ в Китае, поскольку вопрос идет о праве убежища, равным образом ничего не слышно. В самом деле: об этом институте в Китае курсы и учебники по международному праву, почти все без исключения, хранят полное молчание. Так, напр., Моог отводит длинный ряд параграфов, на протяжении десятков страниц, праву убежища вообще и, в особенности, в Южной Америке, но права убежища в Китае он не знает и о нем совсем не упоминает ²⁾. Быть-может, скажут: на то он и американский писатель, чтобы уделять преимущественное внимание Америке. Оправдание, пусть и слабое, однако, в некоторой степени приемлемое.

Но вот еще другое свидетельство, которое, следует думать, будет сочтено более убедительным.

Сэр Satow—не американец, а англичанин и, вдобавок, не только посланник Великобритании в Китае, но и участник тех самых работ, которые привели к Заключительному Протоколу 1901 года. Его подпись значится одинаково как под этим Протоколом, так и под Протоколом 13 июня 1904 г. Чего желать лучшего? Между тем, оказывается, что и ему не известно решительно ничего о „праве убежища“ ни Дипломатического Квартала в целом, ни каждой иностранной в Китае Миссии в отдельности. Подобно Moore'y, и он, в уже называвшемся труде своем, пространно излагает все, относящееся к „Right of Asylum“, а дальше и все, относящееся к так-наз. „Franchise du

¹⁾ См. указ. соч., I, § 390 (стр. 565 и сл.) Курсив автора.

²⁾ Указ. соч., II, §§ 291 и сл., преимущественно §§ 297—304 (стр. 755—845.)

Quartier“¹⁾), но и он ни единым словом не упоминает о том, что эти институты, справедливо сдаваемые и им также в архив истории, продолжают свое существование в Китае. Но кому же, как не Satow'y— так казалось бы—быть осведомленным относительно наличия этих прав у иностранных дипломатов в Китае? И кому же, как не ему, в свою очередь, осведомлять и поучать на данную тему читателя?

Но вот какое возражение меня еще, конечно, ждет. Не сомневаюсь, что еще укажут:

Ни Moore'y, ни Satow'y, ни другим писателям по международному праву нет никакой надобности трактовать в настоящей, интересующей нас здесь, связи о Китае. О Южной Америке говорить, действительно, нужно. Но этого, напротив, вовсе не нужно по адресу Китая— страны **консульской юрисдикции**. Не нужно же потому, что в число прав „юрисдикционных консулов“ уже входит наше „право убежища“.

Кто, примерно, стал бы рассуждать, как сейчас приведено, тот мог бы даже сослаться в свою пользу на авторитет, положим, Листа, у которого, и в самом деле, все принадлежащие названным консулам преимущества сведены в один общий перечень, причем государства с консульской юрисдикцией не различаются между собою, а сброшены в одну, более или менее безразличную, массу. Здесь взяты в одну скобку: и Турция, и Персия, и Дальний Восток, и Занзибар. И у читателя невольно рождается представление, будто во **всех** только-что названных государствах и краях консулы пользуются непременно **всеми** перечисленными правами²⁾.

Между тем, разумеется, это не так. Ибо даже из тех же учебников международного права легко

---

¹⁾ Ук. соч., I, §§ 330—345, стр. 301—324. „Franchise des quartiers“, или, еще иначе, „jus quarteriorum“.

²⁾ Ук. соч., 11 изд., § 16; 12 изд. Fleischmann'a (к сожалению, без изменения в данном вопросе), § 25, стр. 215; русск. изд. 4-ое, § 15, 5-ое, § 16, стр. 114 и сл. Не вполне безупречен в настоящем случае и Strupp, Theorie and Praxis des Völkerrechts (1925), стр. 37 и 59.

узнать, что, в то время как в Турции умаление суверенитета вследствие „капитуляций“ покоилось не только на договорах, но и на обычае, оно же в других государствах Востока всецело опиралось и продолжает опираться на договоры ¹⁾).

¹⁾ См., напр., и здесь Oppenheim'a ук. соч., I, § 318, стр. 493. См. также Willoughby, ук. соч., стр. 18: „the whole body of extraterritorial rights which have existed in China for three-quarters of a century owe their legal existence to concessions made by China in her treaties with Western Powers; in short.. these treaties created the rights and did not simply recognize rights which had another origin“. См. также других авторов, у него цитированных. Это мнение, бесспорно, господствующее.

(В доказательство какового господства мы, с своей стороны, вдобавок, процитируем двух авторов.

У Hyde (ук. соч., I, стр. 451) читаем: „The extraterritorial privileges of western States in oriental countries, such as China and Japan, were not secured until well in to the nineteenth century, when the supremacy of the territorial sovereign had long been recognized as a fundamental principle of international Law. There was no opportunity for the development of a customary law respecting the exemptions of resident aliens. The treaties, therefore, specified clearly what was granted. The western States gained no privileges of protection, whether jurisdictional in character or otherwise, over persons other than their own subjects or citizens“.

Не иначе, и лишь полнее, у Moore (ук. соч., II, §§ 259 и сл., стр. 596 и 602): „In dealing with the subject of extraterritorial jurisdiction, the fact should be borne in mind that while the system rests, in the Ottoman dominions, upon ancient custom as well as upon the provisions of treaties or so-called capitulations, it was established in China and in Japan by the treaties with the western powers, the first being that concluded between Great Britain and China at the end of the opium war, in 1842. The importance of this distinction is obvious. It serves to explain the existence in the Ottoman dominions of practices which were not based upon stipulations of treaties and which formed no part of the extraterritorial system as it was established in China and Japan. Of these practices the principal one is that of the protection granted by the consuls of treaty powers to the citizens of other treaty powers or to the citizens of nontreaty powers, or even to natives, not by the mere exercise of good offices...“ „...It may be pointed out, as an historical fact, that the practice of extraterritoriality in China and Japan began with and rested upon the treaties, and did not originate in custom, as it did in the Ottoman dominions. This distinction has important consequences, and should not be lost sight of“).

Но никакими договорами не предоставлено в Китае „jus asyli“ ни консулам ни дипломатическим представителям в тесном смысле слова.

Наоборот, если взять, примера ради, договоры с Китаем: „О мире, дружбе и торговле“ с Великобританией, подписанный в Тяньцзине в 1858 г., или еще „О дружбе, торговле и навигации“ с Францией, подписанный там же и в том же году,—каковые договоры, в свою очередь, послужили образцами для длинного ряда договоров Китая с другими „трактатными“ же державами, то нетрудно убедиться, что в основу правового положения дипломатических агентов Великобритании или Франции в Китае, с одной стороны, и, обратно, дипломатических агентов последнего в Великобритании или Франции, с другой стороны, положено начало „взаимности“.

Так, после перечисления „Прав и привилегий Британского представителя“ (ст. IV), ст. VI означенного договора от 26-го июня 1858 г., озаглавленная: „Привилегии Китайских Послов и т. д. в Великобритании“, гласит:

В свою очередь,

„Ее Величество Королева Великобритании соглашается, что привилегиями, сим обеспеченными, должны пользоваться все в ее владениях Послы, Посланники или Дипломатические Агенты Китайского Императора, аккредитованные при Дворе Ее Величества“.

Или вот как читается ст. II абз. 3 указанного договора с Францией от 27-го того же июня:

„Дипломатические Агенты будут пользоваться взаимно („réciproquement“)¹⁾, в месте своего пребывания, привилегиями и изъятиями, предоставляемыми

Кстати: ни у Willoughby, ни у Wellington Koo, ни у Туау в указ. соч. мы точно так же не находим и следа того таинственного преимущества, о котором идет речь. Между тем, от этих трудов, как специально посвященных всякого рода льготам и преимуществам иностранцев именно и только в Китае, уже и подавно нелегко „отмахнуться“ в настоящем случае.

¹⁾ Ср. еще, опять же только для примера, договор с Испанией от 10-го октября 1864 г., ст. II, абз. 2.

им международным правом; это значит, что их личность, их семья, их дом и их переписка будут неприкосновенны, что они будут вправе нанимать служащих, курьеров, переводчиков, прислугу и др., кто им будет нужен“.

Ясно, что раз уже выдвинута „взаимность“, то ни о каком праве убежища в Китае на стороне ни великобританского, ни французского, ни прочих посланников или поверенных в делах не может быть речи.

Да и те посланники, наши знакомцы, которые столь уверенно заявляли о своем „droit intégralement reconnu“ или „intégralement détenu“,—и они ни на какую позитивную норму, ни специальную, ни общую, не ссылались. И едва ли с нашей стороны будет несправедливо или рискованно предположить, что не сделали они этой ссылки просто—за отсутствием подобной нормы¹⁾.

¹⁾ А что касается, в частности, посланника Северо-Американских Соединенных Штатов, который вместе с другими оппонировал своему итальянскому коллеге, в защиту и вящую славу „права убежища“ отдельных Миссий в Пекине,—то я позволил бы себе освежить в его памяти следующие слова его же, северо-американского, правительства. Вот что писал, категорически и строго, в 1894 г. (29 августа) поверенному в делах Соединенных Штатов в Пекине глава ведомства иностранных дел, „Mr. Gresham, Secretary of State“: nor can it (т.-е. правительство Штатов) permit our legation or our consulates to be made an asylum for offenders against the laws from the pursuit of the legitimate agents of justice. (Цит. по Moore, ук. соч., IV, § 655, стр. 602). Ср. также одно позднейшее предложение другого «Secretary of State», а именно Mr. Root'a, на имя посланника в Гаити (от 11 апреля 1908 г.): «I have to say that previous instructions have made it clear that this Government does not recognize the so-called right of asylum». (См. «Papers relating to the Foreign Relations of the United States», 1908, стр. 435). Нелишне сравнить еще «Инструкцию Дипломатическим Агентам Соединенных Штатов» (1897), § 51, гласящую, что правительство Штатов отвергает „any attempt knowingly to harbor offenders against the laws from the pursuit of the legitimate agents of justice“ (последнее цит. по Hyde ук. соч. I, стр. 763).

Обо всем этом—не говоря уже о другом—посланник Соединенных Штатов Reinsch ко времени того заседания 1917 г.,

Но уже во всяком случае решительно невозможно понять, откуда бы рассматриваемый «droit d'asile» мог родиться в пользу—Дипломатического Квартала, как отдельной и целой единицы. Что именно этот вопрос для нас интересен в процессе выяснения правового положения и юридической природы Дипломатического Квартала, ясно само собою.

Отдадим себе отчет: заявлено притязание на какую-то, подлинно, чрезвычайную и непомерную привилегию, на некоторое воскрешение давно и безвозвратно осужденного и отжившего «jus quarteriorum»¹⁾. На что же тут опереться?

А priori очевидно: если вообще существует такого рода источник—источник, из которого, связующим Китайскую Республику образом, можно почерпнуть требуемую опору, то это единственно только Заключительный Протокол 1901 г. или, точнее, его ст. VII (Протокол 1904 г. и отдаленно не содержит ничего, касающегося данного вопроса, но если бы даже и содержал, то являлся бы в достаточной мере бездоказательным, как акт, в котором Китай не принимал никакого равно участия).

Итак, снова всмотримся в знакомую нам ст. VII. Что в ней заключается?

Если оставить в стороне: а) границы Дипломатического Квартала, б) меры к обороне его, в) постоянную стражу для охраны Миссий по принадлеж-

---

которое изложено выше, успел забыть основательно и без остатка.

¹⁾ В своем новейшем, 5-ом, русском издании учебника Листа проф. Грабарь теперь так прямо и говорит (стр. 104): „В прежнее время неприкосновенность нередко распространялась на весь городской квартал, где находился дом посла (jus quarteriorum или franchise des quartiers). Этим в то же время устанавливалось и право убежища. **Пережиток такого ненормального положения сохранился до настоящего времени в Пекине.** Положение посольского квартала в Пекине урегулировано протоколом 7 сентября 1901 г.: весь квартал находится под внесемельным управлением дипломатического корпуса“. Подчеркнутых мною слов нет в немецких изданиях книги, как не было и в предыдущих русских изданиях.

ности и г) запрет китайцам селиться в пределах Квартала,—все обстоятельства, бесспорно, крайне важные, но к обсуждаемому сейчас вопросу отношения не имеющие,—то остается, в точной дословной передаче, вот что: специальное предназначение Дипломатического Квартала для пользования Миссий с поставлением его под их исключительное управление.

Вот мы и спрашиваем теперь: допустимо ли утверждать, на основании данной формулы, что Дипломатическому Кварталу принадлежит „право убежища“? Мы уверены, что никто, по совести, не решится ответить на этот вопрос иначе, как отрицательно. И стало-быть: нет, этого утверждать нельзя. Но если так, то названное право и вовсе не присуще Дипломатическому Кварталу. Ибо еще других каких-либо оснований не только не имеется, но и придумать нельзя.

Повторяем и настаиваем: кроме трактатов, идущих к вопросу оснований нет, и их не найти—при всем, быть-может, желании.

Правду сказал однажды французский посланник, когда в 1917-ом году, после объявления Китаем войны Центральным Империям¹⁾, выставил тезис:

„Австро-германцы, как и все вообще иностранцы в Китае, не могут требовать себе других прав, кроме тех, которыми они обладают силою действующих (с Китаем) договоров“²⁾.

¹⁾ См. нашу гл. VI.

²⁾ Здесь поучительно присовокупить, что некогда, в одном заседании дипломатического корпуса 1912 года (16 сентября) тогдашний посланник Американских Соединенных Штатов Calhoun не только высказывает ту же самую мысль, что его позднейший французский „коллега, но даже идет дальше его. Ибо Calhoun еще указывает на обязательность **ограничительного толкования** даже тех относящихся сюда прав и преимуществ, которые выговорены у Китая. Им замечается весьма справедливо: „Вследствие того, что вопрос идет об умалении территориального суверенитета—а суверенитет, это „общее право“—такое умаление должно пониматься в ограниченном смысле“.

Одно только необходимо помнить: этот, безусловно верный и резонный тезис обязательно применять, искренно и добросовестно, всюду и везде, а не в тех лишь случаях, когда острием своим он направлен против австро-германца, а своим эффектом имеет отнятие у врага некоторого комплекса прав и преимуществ.

Мы вынуждены, к прискорбию, констатировать—на примере притязания на „право убежища“—что сие наше, более чем скромное, требование дипломатическими представителями усвоено не вполне сознательно и твердо.

Что же касается „jus asyli“ Дипломатического Квартала—и это мы обязаны повторно констатировать—то оно, таким образом, не имеет под собою ни малейшего юридического основания. Как ни печально, но и здесь приходится признать—признать и сказать громко, во всеуслышание: данное право или, вернее, данное бесправие на почве Китая, и оно не иное что, как плод жестокого злоупотребления—плод слабости и малодушия безвольного, покорного Китая и его правительства ¹⁾.

---

¹⁾ Ввиду частых ссылок в литературе предмета на работу Robin, „Le droit d'asile dans les légations et les consulats étrangers et les négociations pour sa suppression en Haïti“ (в „Revue Générale de droit International Public“ т. XV, 1908), отмечаю еще, что о Дипломатическом Квартале и его праве убежища и у данного автора не говорится абсолютно ничего. Однако, при настоящем удобном случае, приведу то, что автором говорится о „franchise des quartiers“ вообще:... „A une certaine époque tout au moins, le droit d'asile fut exercé par les ambassadeurs non seulement dans leur demeure, mais encore dans leur quartier. Certains Etats avaient, en effet, accordé aux agents diplomatiques étrangers le droit de **franchise des quartiers**, c'est-à-dire l'exemption de la juridiction locale en faveur de toutes les maisons situées dans le quartier de l'hôtel, quartier séparé du reste de la ville par des barrières ou par des chaînes tendues chaque soir, et sur lequel l'envoyé diplomatique régnait en maître. Or il arriva pour le quartier ce qui s'était produit pour l'hôtel: par une conséquence logique de la fiction d'exterritorialité prise pour une réalité, on le considéra comme territoire de l'Etat que l'ambassadeur représentait. Et les conspirateurs et fauteurs de troubles ainsi que des criminels y trouvaient souvent un **asile** assuré. Mais les abus qu'une telle pratique engendra amenèrent les Etats qui avaient

Еще лишь несколько соображений и фактов в самой тесной связи с предшествующим.

В нашей предыдущей главе было выяснено, что при разрешении вопроса о той или другой привилегии, связанной с Дипломатическим Кварталом, должно отправляться от единственной юридически пригодной базы—от нормы о предоставлении этого Квартала „специально“ „в пользование Миссий“. Без сомнения, именно с этою целью, т.-е. для осуществления Миссиями своего пользования, Квартал и „поставлен под исключительное их (Миссий) управление“.

Итак, для пользования или специального пользования Миссий—вот для чего предназначен Дипломатический Квартал. И посему, в качестве юриста, я не колеблюсь признать правомерным всякое притязание

accordé la franchise des quartiers aux agents diplomatiques à l'abolir, et à déclarer qu'ils ne recevraient plus les envoyés qui n'y renonceraient pas expressément. La franchise des quartiers disparut ainsi en Europe à la fin du XVIIe siècle et avec elle le droit d'asile qui en avait été la conséquence.... La franchise des quartiers existe encore dans les pays d'Orient, notamment en Chine, au profit des quartiers assignés aux Européens (V. traité franco-chinois du 27 juin 1858, art. 10). Ук. место стр. 470. Все это изложение, почти дословно, заимствует сейчас Fauchille, ук. соч., I, 3, стр. 84 (№ 699), вплоть до замечания по адресу Китая и ссылки на ст. 10 Тяньцзинского с Францией договора. Между тем и ссылка эта ошибочна, и все замечание вообще неверно. Здесь не место углубляться в материю и толковать о ней „ex professo“. Ограничиваюсь лишь тем, что перепечатаваю цитированную ст. 10. Из простого ее чтения непредвзятый читатель легко убедится в том, что она решительно неспособна подтвердить тезис французского автора, поскольку вопрос идет о Китае. Но, вместе с тем, читатель, быть-может, поймет и то, как легковесен подчас фундамент, на котором европеец строит здесь, на Дальнем Востоке, а точнее в Китае, здание своих прав, льгот и прерогатив. Произвольное утверждение переходит из книги в книгу, и в конечном счете „миф“ или „легенда“ превращается в „общепризнанный“ юридический тезис. Наши дипломаты спешат провозгласить, что налицо „un droit intégralement reconnu“, и тогда проникаются верою уже все, все—не исключая...китайского правительства.

ние Миссий, имеющее в виду осуществить данное пользование, создать наиболее удобные или благоприятные для него условия и т. п. Но дальше я не иду и дальше, согласно моему убеждению, и непозволительно итти, если не хотеть, без достаточного основания, умалить права контрагента, т.-е. в настоящем случае Китая, в намерения которого более обширный круг прав в качестве изъятий из общего правопорядка—отнюдь не входил.

Для обеспечения беспрепятственного и надлежащего пользования Дипломатическим Кварталом, дано, как уже сказано, и право иметь свое собственное,

Вот как гласит означенная, сама по себе достаточно невинная, ст. X Тяньцзиньского договора:

„Tout Français qui, conformément aux stipulations de l'Article six du présent Traité, arrivera dans l'un des ports ouverts au commerce étranger, pourra, quelle que soit la durée de son séjour, y louer des maisons et des magasins pour déposer ses marchandises, ou bien affermer des terrains et y bâtir lui-même des maisons et des magasins. Les Français pourront, de la même manière, établir des églises, des hôpitaux, des hospices, des écoles et des cimetières. Dans ce but, l'autorité locale, après s'être concertée avec le Consul, désignera les quartiers les plus convenables pour la résidence des Français et les endroits dans lesquels pourront avoir lieu les constructions précitées.

Le prix des loyers et des fermages sera librement débattu entre les parties intéressées, et réglé, autant que faire se pourra, conformément à la moyenne des prix locaux.

Les autorités Chinoises empêcheront leurs nationaux de surfaire ou d'exiger des prix exorbitants, et le Consul veillera, de son côté, à ce que les Français n'usent pas de violence ou de contrainte pour forcer le consentement des propriétaires. Il est bien entendu, d'ailleurs, que le nombre des maisons et l'étendue des terrains à affecter aux Français dans les ports ouverts au commerce étranger ne seront point limités et qu'ils seront déterminés d'après les besoins et les convenances des ayants-droit. Si des Chinois violaient ou détruiraient des églises ou des cimetières Français, les coupables seraient punis suivant toute la rigueur des lois du pays*.

(См. указанное Шанхайское издание договоров т. I, стр. 608. См. еще, напр., ст. XII Пекинского договора от 2 ноября 1865 г. между Бельгией и Китаем: там же т. II, стр. 9).

Так где же во всем этом хотя намек на страшный „jus quarteriorum“?!

исключительное управление, т.-е. установлено полное самоуправление Дипквартала.

Резонно, следовательно, и вполне законно—прямо во исполнение данного постановления ст. VII Заключительного Протокола—„Представителями Держав, подписавших“ этот „Протокол“, и намечалось в ст. 7 Протокола 13 июня 1904 г. издание—уже помимо всякого в том участия Китая—Устава для Дипломатического Квартала или, точнее, Общего Устава полицейского и дорожного. Полицейский и дорожный уставы как-раз и отвечают той „police“, о которой говорит названная ст. VII Протокола 1901 г.,—отвечают хорошо известной „полиции безопасности и благосостояния“, как содержанию права „полицейского“ или „административного“.

В несомненной гармонии со всем этим находятся, затем, и отдельные части выработанного фактически Устава, его рубрики и „приложения“ и т. п.: общее положение о полиции и дорогах, а равным образом о ведающей ту же полицию и те же дороги и, заодно, денежные средства Дипквартала „Административной Комиссии“; далее, детальные правила: о рикшах, об эпизоотии; о лошадях, ослах и мулах, заболевших сапом; о животных, зараженных бешенством; о пользовании путями сообщения и их ремонте, о канализации. Действительно, все это стоит в том или другом отношении к пользованию Дипкварталом, обуславливая, облегчая или улучшая пользование, а также, в связи с пользованием, стоит в определенном отношении и к выговоренному управлению или, иначе, самоуправлению.

Все это, повторяем еще раз и признаем, совершенно верно и юридически бесспорно.

Однако: „а что **сверх** этого, то от лукавого“. То уже неверно и неправильно, то юридическая не правда и правонарушение.

В остальном: **подчас**, в том или другом отдельном случае, допустимо и сомнение, совершено ли правонарушение, или не совершено, перешли ли уже люди за меру дозволенного, или же, наоборот, они эту меру еще соблюли.

О том, что пред нами: еще ли „usus“, т.-е. законное осуществление своего права (а в применении к обсуждаемым обстоятельствам—законное пользование Кварталом и законное им управление), или же „abusus“, т.-е. уже злоупотребление пользованием и правом,—возникали нераз споры в недрах самого дипкорпуса.

Так, припоминается случай, которого мы, впрочем, однажды, в другой связи, уже слегка коснулись ¹⁾. Дело шло о самом здании „Германско-Азиатского банка“, с каковым зданием нам уже тоже довелось познакомиться ²⁾. Ближайшие факты настоящего случая заключались в следующем:

Американское кредитное учреждение „Bank of Commerce of China“ арендовало у китайского министерства финансов, сроком на три года, здание, занимавшееся раньше только-что названным немецким банком. Министр Финансов, по заключении договора, на каковое он был вполне уполномочен, официально о том уведомил Административную Комиссию Дипломатического Квартала, бумагою от 12-го мая 1919 года. Последняя, в своем ответе, сообщила, что с ее стороны не встречается никаких препятствий. И Миссия Соединенных Штатов Америки уже обратилась, было, 22-го октября, к председателю означенной Комиссии за получением ключей от здания, как вдруг обнаружилось, что имеется протест, еще от 26-го мая, бельгийского поверенного в делах (барона Villenfagne de Sorinnes).

Тогда северо-американский поверенный в делах (Tenney) решил перенести дело в заседание дипкорпуса.

Здесь, после устранения ряда привходящих и в этот также раз недоразумений, дипломатический корпус вступил в рассмотрение вопроса по существу и, выслушав горячие прения двух противников, северо-американского и бельгийского поверенных в делах (об этих прениях, как сказано, частью уже упоминалось в другом месте нашего изложения),—вынес резолю-

1) См. выше гл. IV в самом ее конце (заседание дипкорпуса 21 ноября 1919 г. Обращаем внимание на дату).

2) См. выше гл. VI.

цию, означавшую отказ китайскому министру финансов в одобрении его, заключенного с названным банком, арендного договора. Говоря точнее и лучше, дипломатический корпус не разрешил исполнить этот договор. А, взамен того, тем же дипкорпусом предлагалось китайскому правительству обратить здание Германско-Азиатского банка в публичную продажу¹⁾).

Предложим вопрос: был ли дипкорпус, в этом своем решении, прав? Или, напротив того, прав был северо-американский поверенный в делах, когда доказывал, что, принимая во внимание переход здания, о котором идет речь, к Китаю, раз, и то обстоятельство, два, что заключенный с американским банком арендный договор не нарушает ни в чем ст. VII Заключительного Протокола, ибо, в частности, отнюдь не допускает к проживанию в Дипквартале китайских граждан,—когда на этом основании доказывал, что дипломатическому корпусу не принадлежит право выступать против законного акта китайского правительства? Добавим еще, что при этом своем мнении Tenney так и оставался до конца, когда, ввиду не-

---

¹⁾ Мимоходом заметим, что китайское правительство предпочло, в 1921—24 гг., возвратить здание немецкому банку. См. „The China Year Book 1925—6“: „Public documents“, стр. 786.

Мною опускается, из прений в указанном заседании, все то, что относится к стремлению большей части собрания применить к разбиравшемуся вопросу ст. 130 абз. 2 Версальского договора, с его постановлением о том, что:

„никакие меры не будут приняты китайским правительством по части распоряжения германскою публичною или частною собственностью, находящеюся в Пекине в так-наз. Квартале Миссий, без согласия дипломатических представителей тех держав, которые ко времени вступления в силу настоящего Договора еще будут состоять контрагентами по Заключительному Протоколу 7-го сентября 1901 г.“.

Едва ли нужно доказывать, что подобное требование—о применении в настоящем случае договора, не подписанного Китаем и не ратифицированного Соединенными Штатами и, к тому же, еще даже не успевшего вступить в силу (я Нидерланды, напр., и вовсе не участвовали в заключении Версальского трактата)—было до очевидности несостоятельно.

В своем рассуждении мы отправляемся единственно от Заключительного Протокола 1901 г.

возможности достигнуть единогласного постановления того содержания, что одобряется соглашение между китайским правительством и американским банком, заявил и о своем также присоединении к предложенной компромиссной формуле (о публичной, как уже отмечено, продаже здания).

На наш взгляд, на предложенный вопрос надлежит дать ответ в том смысле, что дипломатический корпус в настоящем казусе все же едва ли повинен в правонарушении.

Разумеется, большой любезности, избытка уважения и дружеских чувств по адресу Китая и его правительства в решении дипкорпуса не слышится, не чувствуется. Однако, при юридической оценке постановления, не следует игнорировать, что дипкорпус весьма твердо усвоил практику, согласно которой ему принадлежит надзор решительно за всем, происходящим в границах Дипломатического Квартала, как целого, причем для всякого изменения «status quo», согласно той же практике, требуется единодушное его, дипкорпуса, согласие; что, таким образом, любой вопрос, не исключая и самого мелкого, как только он выходит из рамок отдельной Миссии в собственном значении слова, может переноситься на рассмотрение собрания дипломатов; что, напр., и всякое решение Административной Комиссии может быть обжаловано в дипкорпус, вдобавок, с приостанавливающим решением действием; что, далее, решения Комиссии и вообще подлежат исполнению не иначе, как в том случае, если они принимаются представителями Держав¹⁾).

Наконец, нельзя игнорировать того обстоятельства, что основное условие—столь же необходимое, сколько естественное—а именно наличие «пользования» и связанного с ним «управления» Дипломатическим Кварталом,—что и это условие тоже, несомненно, имелось налицо. Ибо, если данное пользование предоставлено дипкорпусу, то понятно, что дипкорпус волен пускать или не пускать в Дипломатический Квартал,

¹⁾ Устав, ст. XII (XV).

на постоянное в нем проживание или хотя бы пребывание, любого субъекта, одинаково и физическое лицо (китайцев мы здесь не касаемся), и лицо юридическое, как то ему, дипкорпусу, заблагорассудится.

И вот, если учесть все это, то нельзя, думаем, утверждать, что дипломатический корпус превысил свои полномочия.

Но зато—так следует подчеркнуть возможно сильнее—все иное, все, что не связано с «пользованием», а равно с идущим сюда «управлением», все, что с точки зрения разумного судьи, толкующего договоры «по разуму» и «доброй совести», не заключается в означенных понятиях,—нельзя не отметить, не признать лежащим **вне** круга, **вне** плоскости тех изъятий, прав и привилегий, которые предоставлены Дипломатическому Кварталу и Миссиям, в нем лежащим.

Напомним, что **одно** из преимуществ, неправильно причисляемое к прерогативам Дипломатического Квартала, мы уже успели обсудить и отвергнуть. Речь идет о «праве убежища».

Но так же точно обязательно решить и во всяком другом аналогичном случае, поскольку таковой случай может представиться,—**если бы** и в отношении другой прерогативы возникли необоснованные притязания.

Говорю: „если бы“, готовый питать самые лучшие надежды. Но подобное предположение не столь уже мало вероятно. И вот почему.

Стоит несколько внимательнее вчитаться в наш источник—я попрежнему разумею „Протоколы Заседаний дипломатического корпуса“—чтобы тотчас же увидеть, что сами дипломатические представители, как бы, вовсе не учитывают или, быть-может, не признают того ограничения, того предельного пространства, которое здесь бесспорно существует и которое, соответственно, нами отмечается, выдвигается, ставится во главу угла.

Видимо, нашим дипломатам дело представляется в том свете, будто они, в своей совокупности, на

протяжении Дипломатического Квартала—**суверенны**.

Об этом „суверенитете“ посланники говорят даже не один раз, говорят представители не одной только иностранной державы. Нет, почасту и многими из них привлекается, призывается на помощь именно **суверенитет**.

Так, декан, опять сэр Jordan, однажды разъясняет своим коллегам, делая отсюда и желательный вывод, что в Дипломатическом Квартале перед нами „Общество Суверенных Собственников“ („une Communauté de Propriétaires Souverains“)¹⁾.

И в том же смысле итальянский посланник (барон Aliotti) признает за дипломатическим корпусом в Дипквартале право совершать „безусловно суверенно“ („en toute souveraineté“) известные действия, какие на своей территории производит верховная власть данного государства ²⁾.

А представители, напр., России и Японии (кн. Ку-дашев и барон Гаяши) даже не затрудняются отыскать и „юридическое“ происхождение этих территориальных суверенных прав. Последние, мол, дипкорпусу, в границах Дипломатического Квартала, „делегированы“ самим Китаем. Так из них утверждает один. Или: суверенные права китайского правительства на территорию Дипквартала поручены тому же дипкорпусу. Так изъясняется другой ³⁾.

Однако, спросим и тут: откуда взята эта конструкция? откуда эта доктрина? Из какого источника почерпнута подобная, если смею так выразиться, «мания величия»?

Откуда же—как не из того же неизменного источника устаревших давным-давно идей, представлений и переживаний, сейчас только подогретых стремлениями и навыками алчного и сильного империализма в Китае.

1) 14 ноября 1918.

2) 2 октября 1917.

3) Там же.

Суверенитет, так нам говорят, присущ дипломатическому корпусу или, по меньшей мере, им осуществляется на протяжении Дипломатического квартала.

В ответ, нельзя не спросить: что же, и функции суверенитета тоже присущи названной дипломатической коллегии в указанных пределах? Напр., и право чеканки монеты? или право выпускать свои бумажные деньги? Или еще, напр., право установить свой суд во имя своего судебного суверенитета? Хотя бы над теми «simples boys», о которых упоминал как-то представитель Франции? и т. д.

Без дальнейшего очевидно: нет, нет и нет. В частности, что касается суда, то Дипломатический Квартал никогда не порождал и теперь не порождает никакой особой юрисдикции, а равно ни в чем не изменяет юрисдикции, свойственной данному лицу как таковому. Экстерриториальность, в том или другом ее объеме и по той или другой причине, и обратно, отсутствие экстерриториальности—каковы они для лица А в Китае или в Пекине вне Дипломатического Квартала, таковы же они, точь-в-точь, для того же А и **внутри** Дипломатического Квартала. Ни на иоту больше, ни на иоту меньше. Вся разница лишь в том, что в Дипломатическом Квартале данный А оказывается «вне сферы досягаемости», что, напр., для «судебного исполнителя» он здесь неуязвим. Но вопроса о статусе его, этого лица А, данное обстоятельство, тем не менее, не затрагивает вовсе ¹⁾.

---

¹⁾ Нет речи и о праве наказания или покаяния («jus puniendi»). Мы видели (гл. V), что даже наложение, частью полиции Посольского Квартала, незначительного денежного штрафа за нарушение некоторых правил Устава вызывало серьезные протесты и нарекания, и это в составе самого дипломатического корпуса. Тюрьмы своей и вообще мест заключения Дипломатический Квартал, как таковой, по счастью, тоже не имел и сейчас не имеет. Более того: и каких-либо мер принуждения, хотя бы для обеспечения, допустим, взноса в границах Квартала арендной платы,—даже их не было. Такие взносы поступали более чем туго, и все-таки Административные Комиссии, первоначально существовавшие в отдельных участках, были в относящихся сюда случаях слабосильны и беспомощны (см., напр., заседание 29 мая 1913). Но не только эти

Впрочем, никто, насколько мне известно, и не утверждал противоположного. Тем лучше. Но в таком случае и по части других еще правоотношений—тождественных с данной, занимающей нас, юридической точки зрения—надлежит держаться, последовательно и логично, той же, свободной от тенденциозности и преувеличения, единственно правильной и приемлемой позиции.

Между прочим: пусть право, принадлежащее каждой Миссии, содержать свою собственную стражу внутри Дипломатического Квартала—пусть оно не соблазнит нас и не побудит признать наличие

Комиссии. Вопрос о том, что неплательщиков налога на недвижимость обязательно побудит как-нибудь исполнить свой долг, обсуждается уже в 1907 году (заседание 9 марта). Результат обсуждения не блестящий; все же, в конце заседания декан считает возможным заявить, что, за исключением лишь Англии и Португалии, посланники прочих держав обладают правом применения мер принуждения на тот предмет, чтобы заставить своих соотечественников уплатить следующее. И что же? Еще во второй половине 1913 года (заседание 21 августа) германский посланник (барон Seckendorff) жалуется, что его положение трудное в борьбе с теми из немцев, которые упорствуют в своем нежелании вносить требуемый с них налог. Он-де вынужден обращаться всякий раз в Тяньцзинь, к тамошнему консулу, ибо сам не имеет ни административной, ни судебной власти.

Для характеристики всей скромности правомочий посланников и в области чисто-административной, очень показателен следующий случай. Дело происходит в 1912 году. У немцев, поблизости к их казарме, имелся пороховой погреб. Согласно единодушному заключению начальников охраненных отрядов, на расстоянии 50 метров или ярдов от погреба, нельзя было воздвигать ни одного здания; иначе стала бы угрожать величайшая опасность не только германскому охранному отряду, но и всему Дипломатическому Кварталу. Несмотря на это, некий русский подданный начал строиться как-раз в пределах означенной «опасной зоны», причем оставался решительно глух ко всякого рода увещаниям. Вследствие письменного по этому поводу обращения к декану (сэру Jordan) старшего из начальников отрядов, а равно по просьбе германского посланника, дело передается на рассмотрение дипломатического корпуса. Здесь, в заседании 11 июня, названный посланник (Haxthausen) усерднейше просит о помощи. Он указывает, что рад бы отвести пороховому по-

суверенных прав за группою проживающих в Дипломатическом Квартале представителей иностранных держав. Ибо, как резонно рассуждал, все в том же достопамятном октябрьском заседании 1917 года, тогдашний французский поверенный в делах граф Martel: «В Китае... институт иностранной стражи создан только на предмет защиты дипломатического персонала». Т.-е. другими словами, эта охранная стража является из себя не более, как своего рода телохранителей—одинаково как по замыслу или намерению договаривающихся сторон, так и по самому существу дела. Во всяком же случае выводить отсюда функцию военного верховенства было бы столь же неосновательно, как и находить функции судебную, финансовую или еще иную.

Не иначе должно подходить и к вопросу о „территории“ Дипломатического Квартала: и тут необхо-

ребу какое-либо другое подходящее место, но такого места абсолютно не найти. Германское правительство даже согласилось купить данный участок земли, и с этою целью уже и ассигновано 50.000 мекс. долларов, но русский собственник запросил 80.000, цену непомерную, и сделка расстроилась. А дом все продолжает строиться на расстоянии каких-нибудь 10 метров от порохового погреба. Германский посланник обращает внимание собрания и на то, что в настоящем случае он, ведь, радуется не о себе, а об общем благе, о благе всех обитателей Квартала, пред каковым благом и интересом частный интерес, казалось бы, должен безусловно отступить. Увы! все эти доводы не принесли пользы. Представитель России (Крупенский) отвечал, что если бы он и пожелал приостановить постройку, то был бы бессилён это сделать, ибо как запретить собственнику строиться на собственной земле? Крупенского поддерживает представитель Франции (Margerie), а граф Sforza даже заавляет: если бы он, итальянский посланник, оказал воздействие в роде требуемого на итальянского подданного, то последний, пусть и виноватый, мог бы привлечь его к ответственности пред итальянским административным судом по обвинению в превышении власти. А что касается примата общего интереса, то он, Sforza, может лишь повторить уже сказанное однажды по другому поводу: Дипломатический-де Квартал неспособен превратиться в муниципалитет,—«он должен оставаться Дипломатическим Кварталом». См. также заседание 21 мая 1910 г. о том, что в пределах Квартала всякий произвольно строит, как знает и как хочет.

димо самым решительным образом избегать всякого увлечения и недоразумения.

Территории, в смысле одного из элементов государства, в Дипквартале не наблюдается ни в какой мере. А наблюдается просто площадь земли, выделенная в интересах обособленного пользования и самостоятельного управления.

Пусть, скажем, в границах Дипломатического Квартала, на одной из его улиц, совершено преступление, напр., убийство. И притом кем угодно: китайцем, непривилегированным германским или советским гражданином, привилегированным (т. е. обладающим так-наз. „экстерриториальностью“) французом, итальянцем, англичанином, американцем,—все-равно: преступление совершено на территории **Китая**, ни дать ни взять, как если бы оно совершено было вне границ Дипломатического Квартала, в остальной ли части Пекина, в Нанкине ли, Кантоне, Харбине и т. п. Если бы держаться взгляда другого, то, не говоря обо всем прочем, пред нами встала бы неразрешимая задача: где же именно—во Франции ли, или в Испании, в Голландии ли, или в Японии, в Бельгии ли, или Соединенных Штатах Америки искать и находить „*forum delicti commissi*“, т. е. место совершения преступления?

Словом, дело обстоит и в данном случае именно так, как о том можно прочесть в учебниках международного права—в отношении даже посольского дома.

„Свобода посольского дома не включает в себе фикции, в силу которой дом посла следовало бы рассматривать, как территорию назначившего его государства: если в доме английского посла в Берлине англичанин убьет другого англичанина, то деяние это произойдет на германской территории, и судить его должны будут германские судьи“¹⁾.

¹⁾ Лист-Грабарь, 4 изд., стр. 156. 5 изд., стр. 104; Liszt, 11 изд., стр. 121 и сл., то же и у Liszt—Fleischmann, 12 изд., стр. 200, лишь с заменой почему-то примера с англичанином таким же примером с русским. Мимоходом напому об известном казусе с русским подданным Никитченковым, покушавшимся в 1867 году в русском посольстве в Париже на жизнь секретаря посольства Бальша: по требованию французских властей,

Или возьмем, опять в виде примера, явление из другой еще области—области частно-правовой. Известно юридическое положение международного частного права: „*locus regit actum*“, т.-е.: форма сделки определяется или, лучше, может определяться местом ее совершения. Спрашивается: сделка, заключенная в нашем Дипломатическом Квартале,—каким требованиям, со стороны формы, должна она удовлетворять? Требованиям ли, пусть даже в порядке только факультативном, выдвигаемым Дипкварталом? Но таких требований, ведь, не существует да и не может существовать. Или же, напротив того, требованиям, которые названным Кварталом не обуславливаются ни в какой степени и ни в каком случае? Разумеется, последнее.

Для вящего пояснения я еще приведу одну-другую иллюстрацию.

Германский закон о введении в действие Гражданского Уложения 1896 г. в ст. 11 постановляет:

„Форма юридической сделки определяется согласно законам, которые действуют касательно правоотношения, составляющего содержание сделки. Однако, достаточно соблюдения законов **того места, где юридическая сделка совершается**“.

Пусть юридическая сделка совершена в Дипломатическом Квартале, в одном из торговых помещений на улице *Marco Polo*; по существу же пусть сделка будет германская. Где тут субсидиарная, с точки зрения германского закона, форма для данной сделки? Форма ли, диктуемая законами Дипломатического Квартала в Пекине? Очевидно, нет,—такой формы, повторяем, нет. И речь, очевидно, может идти и будет идти только о той форме, которая предписывается законами **Китая**.

признанному Петербургским кабинетом, Никитченков судился в Париже и по французским законам. См., напр., Мартенса, Современное международное право цивилизованных народов, изд. 5, т. II (1905), стр. 48 и сл., или еще Louter, *Le droit International Positif II* (1920), стр. и 47 сл. (также Satow, ук. соч., I, § 327, стр. 292 и сл.).

Или возьмем одно из законодательств, которые тому же правилу „*locus regit actum*“ сообщают значение, правда, тоже не исключительное, однако, и не субсидиарное. Возьмем, напр., итальянское законодательство, в коем наше правило поставлено на первое место. Вот как начинается ст. 9 Итальянского Гражданского Уложения 1865 г.:

„Внешняя форма актов между лицами, находящимися в живых, и актов последней воли определяется законами того места, где они совершены“.

Пусть сделка опять заключена „*Rue Marco Polo*“, а процесс происходит, допустим, во Флоренции. Когда, спрашиваем мы, итальянский судья признает сделку законною с точки зрения формы? Естественно, ответ останется прежний: поскольку интересна форма места совершения сделки, судья будет считаться только с законом **Китая**.

То же самое, без сомнения, нам придется сказать, на основании ст. 7 Гражданского Процессуального Кодекса Р. С. Ф. С. Р. 1923 года, и тогда, если процесс будет слушаться в Москве.

И следовательно: ни суверенитета, ни верховной власти вообще, ни территории. Ничего из всего этого в наличности не имеется, ничего подобного не связано с Дипломатическим Кварталом и не характеризует его с юридической стороны. А если так, то, вместе с тем, неминуемо и без дальнейшего, падают, рушатся также те определение, построение, понимание, доктрина, какие приводились—и, надо думать, исповедывались—членами дипломатического корпуса в Пекине. Все это, решаемся мы утверждать, попросту ошибочно и несостоятельно. Чему, впрочем, добавим еще, и не приходится особенно удивляться. Ибо все эти посылки и тезисы отнюдь не продукты объективной, обоснованной мысли и работы юриста-догматика—без чего получить верный, надежный результат в деле правовой квалификации института, конечно, абсолютно немислимо—а оказывается все это не иным чем, как лишь субъективными иллюзиями и произволь-

ными постулатами—юридически недостаточно осведомленных—дипломатов-политиков.

Если уже угодно «конструировать» и «дефинировать», то всего более адекватно действительности, т.-е. всего правдивее и лучше, юридическая природа Дипломатического Квартала могла бы найти свое выражение в следующей, примерно, формуле:

«Дипломатический Квартал в Пекине являет из себя точно отграниченную площадь земли, предоставленную Китаем совокупности подписавших Заключительный Протокол 1901 г. держав, в качестве публично-правовых дестинатаров данной площади, для исключительного ею пользования и с правом: а) автономного с этой целью управления внутри ее, а также б) приведения ее в состояние обороны и в) содержания каждой из означенных держав постоянной стражи в интересах охраны дипломатических Миссий, каковые Миссии расположены в пределах той же площади, каждая на своем—принадлежащем ей на праве собственности—участке земли».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Неправильность и недопустимость распространительного толкования прав и преимуществ, предоставленных Китаем, поскольку речь идет о Дипломатическом Квартале, находит себе подтверждение и в некоторых суждениях самих посланников—точнее, лучших из них. Эти суждения относятся к периоду раннему—периоду „строительства“ Дипквартала, когда цель и объем выговоренных, относящихся сюда, полномочий еще были свежи в памяти действующих лиц. и еще не успели задернуться ни дымкою забвения у людей, которые позднее, отчасти много позднее, появились на сцене Дипломатического Квартала, ни стремлением, пусть и подсознательным, толковать свои привилегии возможно шире и неограниченнее.

Следующие суждения заслуживают того, чтобы мы о них напомнили.

Это, главным образом, заявления, устные или письменные, представителей России и Англии. Вот они:

В заседании, еще только десятом по порядку, от 24-го ноября 1900 года Гирс говорит:

„1. Имеющий быть созданным округ („le district à créer“) должен быть Посольским Кварталом, удовлетворяющим условиям, которые требуются для защиты Миссий, но отнюдь не должен быть „сеттльментом“, вроде существующих в некоторых городах Китая.
2. Нужно считаться с положением китайцев, избегая всякого мероприятия, без которого можно обойтись.
3. Необходимо проявлять сдержанность, имея в виду определенные политические соображения“.

В связи с этим, по вопросу о границах Дипломатического Квартала, Гирс, напр., затрудняется включить в эти границы также ворота Чен-Мен—главнейшие, мол, ворота китайской столицы. И, соответственно, названные ворота оставляются вне пределов Квартала.

В дополнение к прениям в этом же заседании, сэр Satow, в весьма обстоятельном письменном „сообщении“ от 10-го декабря того же года¹⁾, протестует против чрезвычайных размеров площади, какие задуманы для отведения под Дипломатический Квартал. Между прочим, английский посланник пишет, что: „ему желательно напомнить своим коллегам, что первоначальный проект г. Делькассе²⁾ заключался

---

¹⁾ См. уже цит. документ № 25 среди „приложений“ (т. I, ч. 2). Как нам уже известно, Satow и впоследствии высказывается в том же направлении и духе: см. выше нашу гл. II (в конце).

²⁾ Это известный в свое время французский министр иностранных дел.

Поучительно отметить, что даже в той коллективной ноте, которую иностранные представители вручили китайскому правительству 22-го декабря 1900 года,—ноте, устанавливающей „необходимые условия для восстановления нормальных отношений дружбы с Китаем“,—ст. VII заключает лишь следующее: „Право для каждой Державы установить постоянную стражу для своей Миссии и привести Дипломатический Квартал в состояние обороны. Китайцы не будут иметь

просто в том, чтобы в Пекине, для безопасности Миссий, поместить постоянную стражу. Что же касается мысли создать могущий обороняться Посольский Квартал с тем, вдобавок, обширным протяжением, какое, повидимому, намечается,—то эта мысль возникла уже здесь“.

Но,—продолжал тот же представитель Великобритании:—если подобная мысль о „своего рода дипломатической крепости внутри городских стен“ и казалась вполне понятною непосредственно после жестоких событий летних месяцев 1900 года, то сейчас—после всего, что с тех пор совершилось—можно с уверенностью думать, что тогдашние события, и помимо подобной крепости, не повторятся более никогда.

Разумеется, он, сэр Satow, никоим образом не хотел бы внушить представление, будто в настоящую минуту не нужны никакие уже меры предосторожности. „Но он верит, что эти меры, с каждым годом, будут все менее нужны, и что, пожалуй, в недалеком будущем окажется возможным обойтись без этих мер и вовсе“.

Наконец, он особенно опасается еще того, что реализация задуманного плана помешает дипломатическому корпусу оправдать ожидания своих правительств, ибо может случиться, что не будет достигнута цель, на которой правительства едва ли не успели уже сойтись. Эта цель—„скорое восстановление сильной и дружественной туземной администрации в столице“.

Прекрасные взгляды и слова, проливающие яркий свет на ту, положительно, пропасть, какая отделяет данное правовоззрение от правовоззрения позднейшего

права жительства в этом Квартале“. См. заседания 24 декабря 1900 (так-наз. „Premier Protocole“) и 2 января 1901. (приведено и у Hertslét, указ. сборн., II, стр. 1169 и 1171). В ответ на что (требование уже принято императором), китайские уполномоченные в своем „меморандуме“ говорят: „Мы Вас настоятельно просим установить контингент этой стражи и написать подробный полицейский устав, дабы избежать порождения беспорядков за пределами этого Квартала“ (!). (Приложение № 36, т. I, ч. 2, стр. 27).

периода. И тем более приведенные заявления заслуживают высокой оценки, что они относятся еще к 1900-му году—году „боксерского восстания“, и что, следовательно, только за несколько месяцев перед тем шли бои, и лилась кровь.

Правда, уже и в то время далеко не все стоят на одинаково высоком уровне. Все же, тогда и другие предвидят, что в скорости удастся распроститься, по крайней мере, с гласисом, как пунктом обороны. При чем встает вопрос, как всего лучше должно будет использовать принадлежавшие к гласису участки земли—использовать в целях „общего блага“. Высказывается мнение, что раз все земли под гласисом уступлены Китаем безвозмездно и с точно определенным назначением, то, с отпадением назначения, справедливость требует возвратить эти земли Китаю тем же безмездным способом. Такое суждение высказывается, напр., французским посланником Beau уже в 1901 году ¹⁾, а затем в начале 1904 года ²⁾ выполняется его преемником Dubail. Последний также сообщает, что данная точка зрения на судьбу гласиса разделяется многочисленными правительствами; запрошенные Францией в лице ее дипломатических представителей за границей, правительства почти все ответили в утвердительном смысле.

Сравнительно с подобным отношением к вопросу, отношение к нему позднейших членов дипломатического корпуса в том же Пекине, характеризуемое обольщениями насчет „права убежища“, насчет „суверенитета“ и проч., представляется тем более печальным и тем менее удовлетворительным или даже понятным, что порою они же сами, эти позднейшие представители иностранных держав, нет-нет, да и сделают наблюдение и замечание прямо обратного свойства, по своему смыслу правильные и приемлемые. Так, наши старые знакомцы японец Ijuin и испанец Pastor при случае подчеркивают, что с момента осады Миссий обстоятельства уже немало изменились, что и чувства

---

¹⁾ См. заседание 21 декабря.

²⁾ См. заседание 12 января.

друг к другу китайцев, с одной, и иностранцев, с другой стороны, улучшились значительно, и потому не грех бы и отказаться от строгостей ¹⁾. К названным двум дипломатам, повидимому, близок и посланник Соединенных Штатов Америки Calhoun, когда останавливает внимание своих коллег на том факте, что национальное чувство китайцев сильно окрепло и развилось с переходом государства к новому республиканскому строю ²⁾.

И при всем том, эволюция в направлении единственно справедливого, единственно разумного и единственно спасительного—все еще не наступает. Не наступила она, к несчастью, и по настоящий даже день.

Между тем, давно уже пора перемене наступить.

Те меры предосторожности, которые, по мысли и выражению сэра Satow, уже в недалеком будущем должны были сделаться решительно ненужными, просуществовали целую четверть века. Как ни думать о прошлом, ныне эти меры, поистине, более чем ненужны, ибо вредны, одиозны, беспринципны.

И стало-быть: с ними необходимо поскорее проститься—проститься радикально и навсегда.

Первое всего должно отказаться от **права** содержать постоянную стражу. Что речь идет именно о праве—не более,!—нами уже выяснялось ³⁾ да и не подвергалось ни с чьей стороны и ни разу сомнению. В соответствии с этим, из сохранившихся сейчас девяти, кроме Китая, козигнатаров Заключительного Протокола 1901 г., только немногим больше половины содержат постоянную стражу. Ее либо вовсе не имели, либо не имеют более: ни Бельгия, ни Испания, ни Нидерланды,—как не имеет, естественно и очевидно, и Союз Советских Социалистических Республик. А попрежнему имеется стража: только у Великобритании, Италии, Соединенных Штатов, Франции и Японии, каковым пяти державам остается, таким образом, лишь последовать доброму примеру первых четырех.

1) См. уже цит. заседания 2 августа и 9 сентября 1911.

2) 7 октября 1912.

3) См. выше нашу гл. II.

Пусть они в данном отношении вспомнят то восклицание, которое „в минуту жизни“ откровенную невольно вырвалось у испанского посланника:

„Да разве еще где-либо в мире существует хотя одно государство, где бы дипломатические Миссии находились под охраною своей собственной военной стражи?! 1)“.

Если представители „упорствующих“ великих держав согласятся со своим испанским коллегой (а как не согласиться?), то, надо полагать, они и сами не пожелают, сохранением своей стражи, тем самым сохранить впредь позицию на редкость рискованную, явить из себя, в наступившей второй четверти двадцатого столетия, исторический курьез и неприглядную окаменелость.

С отменой постоянной стражи должно будет, затем, отпасть и то свободное пространство, которое именуется гласисом и служит целям военной защиты. Отпасть должна вся вообще военная сторона дела, а с нею вместе, сам-собою, отпадет и гласис.

И тогда, согласно мысли (опять-таки не пишущего эти строки, а) всех или почти всех заинтересован-

---

1) См. выше гл. VI. Напомним, кстати, еще и о том обстоятельстве, о котором нами рассказано много раньше, в нашей главе II. Ведь, уже императорское Российское правительство в начале 1914 года вывело почти 0,9 своей постоянной стражи в Пекине, причем мотивировало это свое действие **ненужностью** дальнейшего здесь удержания вооруженной силы.

«Китайская точка зрения» на вопрос хорошо изображена у Chong Su See в его книге «The foreign trade of China» (published under the auspices of The China Society of America; edited by Columbia University, 1919) стр. 347 и сл.: «From the Chinese point of view the establishment of foreign guards and garrisons is not a shield but a spear and until it is removed permanent good relations are not to be expected. The reason for stationing of the troops and guards, which was to prevent the recurrence of the «Boxer» troubles, does not exist any longer. The Chinese people believe in what is right and reasonable and so strong is this belief of theirs that they spurn the thought that it is necessary to back up or enforce their right by might. They use force only when they are irritated and humiliated to the utmost. So long as the powers

ных правительств, по свидетельству французского посланника ¹⁾), гласис тотчас же возвратится китайскому народу—притом безмездно, как безмездно же был и от него получен.

Точно так же ясно, что, равным образом, и запрет китайцам проживать в Дипломатическом Квартале подлежит упразднению. Во-первых, всякие недоброй памяти «черты оседлости», в любых их смысле и направлении, в наш век не могут быть терпимы, и, во-вторых, данный запрет, все-равно, не соблюдается, как мы могли в том убедиться из одной из предъидущих глав нашего очерка ²⁾). Таким образом, сама действительность и современность властно диктуют отказаться от данного запрета—отказаться от него и форменно, открыто и честно.

Но, разумеется, такой отказ создаст уже и полную невозможность утверждать, будто Дипломатический

keep their oft-repeated promise to maintain the independence and integrity of China, and refrain from committing on Chinese soil such outrages as those preceding the Boxer Rebellion, they can fully rely on the non-recrudescence of anti-foreign outbreaks and the faithfulness of the Chinese to perform their international obligations as they have demonstrated in the past. Moreover, China has shown her ability to give adequate protection to the legations during the European War, when the number of foreign troops was largely reduced».

См. еще Ching-Lin Hsia, „Studies in Chinese Diplomatic History“ (1925), p. 175. „The presence of the legation guards... also does violence to the Chinese people's sense of pride, in that they are a standing derogation of China's sovereignty. In the same light must be viewed the existence of the special quarters occupied by the foreign legations... Such an area finds no parallel in any other capital of the world.“ Говоря о 1900—1901 гг., автор замечает: „It was a time in which all business in North China was dislocated and government disorganized; and it was in this dark hour that China accepted a foreign fortress and garrison in her capital, as the only means by which, in the opinion of the world, envoys accredited to her court could remain in safety... Granting that it was defensible as a temporary measure partly to safeguard the legations at Peking.., and partly to relieve the great responsibility of the Chinese government, we must maintain that since the signing of the Protocol that justification has long disappeared...“ (pages 178—179).

¹⁾ См. несколько выше стр. 83.

²⁾ См. выше нашу гл. IV.

Квартал «специально предназначен для пользования» дипломатических Миссий. Причем заметим мимоходом: в Дипломатическом Квартале и теперь уже обретаются немало такого, что к «пользованию» Миссий либо вовсе не имеет отношения, либо имеет отношение только очень и очень отдаленное,—и ни для кого это не тайна ¹⁾).

Наконец, на почве всего сейчас указанного, исчезнет всякий «raison d'être» и для «исключительного» или даже просто самостоятельного управления данною, сравнительно очень небольшою, частью города ²⁾). Управление в ней станет общим со всею прочею столицей, причем нет основания опасаться, что китайские власти не пожелают или не сумеют проявить достаточно заботы и труда для поддержания в Квартале того благоустройства и порядка, которые отличают его ныне ³⁾).

¹⁾ Мы имеем в виду преимущественно торговые предприятия и заведения, сильно размножившиеся за последние годы. И это вопреки тому неоспоримому положению, что соглашением о Дипломатическом Квартале Китай, очевидно, отнюдь не намеревался открыть еще новый центр для иностранной торговли. Каковое обстоятельство и понимается, конечно, всеми. Уже в 1910 году (заседание 21 мая) тогдашний декан дипломатического корпуса (австриец Kuczynski) замечает: «Дипломатический Квартал становится все более и более торговым кварталом, в котором открывают свои заведения торговцы всех национальностей. Такой порядок вещей плохо мирится с характером и назначением Дипломатического Квартала. Рано или поздно, на это придется обратить внимание». См. также приведенное выше (глава VI) заявление сэра Jordan в заседании 14 ноября 1918 года.

²⁾ Размеры Дипломатического Квартала таковы: с востока на запад около 1.200 метров, с севера на юг около 650 метров, а всего площадь в 200 приблизительно акров. См. Morse, The International Relations, указанное место.

³⁾ Что «на случай и после окончательного увода» из провинции Чжили и из Дипломатического Квартала иностранных отрядов, Китай уже обещал компенсацию и льготу,—нами здесь оставляется в стороне, ибо не входит в рамки настоящего труда. См., однако, подписанный в Шанхае договор Китая с Японией от 8 октября 1903 года, ст. X, и приложения 6 и 7 (Hertslet, ук. сборн., I, стр. 387 и 390 и сл., MacMurray, ук. сборн., I, стр. 414 и 420 и сл.).

И не будет больше «Дипломатического Квартала» в его сегодняшнем, высокомерном, значении чужеродного и чуждающегося, обособленного и привилегированного тела. И отойдет «Дипломатический Квартал» в Пекине в безвозвратное историческое прошлое—в историю политики, в историю права. И не прольется о нем «слеза прощальная».